

НАДЕЖДА САМАЕВА

ЗЛО,
ДЕЙСТВУЙ!

Надежда Мамаева

Зло, действуй!

«Автор»

2023

Мамаева Н. Н.

Зло, действуй! / Н. Н. Мамаева — «Автор», 2023

Не спасти древний род, так отомстить за него – таково было условие, при котором я получила второй шанс на жизнь, заключив сделку с древним духом. Новый мир. Новое тело. Новые неприятности. И главная из них – теперь для всех я преступница. Злодейка, которую по обвинению в заговоре разыскивает стража. При таком раскладе спрятаться под чужим именем на самом видном месте – в академии магии – не такая уж и плохая идея. Жаль, что при этом мне пришлось стать артефактом.

© Мамаева Н. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Мамаева

Зло, действуй!

© Надежда Мамаева, 2023

Глава 1

- Догоняй злыдню!
- Уйдет, зараза этакая!
- За ней, в переулочек!..

Эти крики, что неслись вслед, вселили в мое тело бодрость, заряжали энергией, придавали ускорения. Да и вообще они были отличным стимулом к тому, чтобы я, задрвав подолом юбки едва ли не выше колен, резвым зайцем мчала по узенькой улочке, улепетывая от преследователей.

На пути возникла лежавшая на боку поперек дороги деревянная бочка. На одном из ее обручей на миг блеснул последний луч закатного солнца. Увы, мне было слегка некогда любоваться как раскинувшимся в небе багровым шлейфом догоревшего дня, так и видами на старинные каменные домики с черепичными крышами, меж которыми уже начал сочиться сумрак ночи. Я была слегка занята – спасала разом и новообетенную жизнь, и чужое тело, и свою душу в оном.

Потому, едва увидела на пути неожиданную преграду, поднажала. И как только оказалась в шаге от нее – со всей силы оттолкнулась от мостовой. Прыжок. Алый подол взмыл в воздух. Темные длинные волосы взметнулись волной. Подошвы моих ботинок просвистели в пяди над ободами. А в следующий миг я приземлилась на брусчатку. Почти удачно. Даже носом в грязь не упала. Только умудрилась задеть локтем лоток уличной торговки, отчего тот накренился, а лежавшие на нем спелые, румяные яблоки покатались по мостовой. Но оглядываться и извиняться времени не было. Я припустила вперед что есть мочи.

Спустя несколько секунд позади раздался лягз: похоже, кто-то из стражей сбитой кеглей рухнул на каменную брусчатку.

– Ну, живее, иномирка! – раздался рядом со мной требовательный голос полтергейста, который бесплотным духом вился рядом.

Хотелось ответить, что я сейчас так живо бегу, что вот-вот догоню свой сердечный приступ. Но решила поберечь силы и кислород. Потому как дышать мне хотелось сильнее, чем спорить, а на то и другое разом мне бы воздуха не хватило.

А призрачный напарник меж тем выговаривал:

– Я что, зря тебя на своем горбу через грань ташил, чтобы ты в первый же день в застенках очутилась?!

Тут я была с духом согласна: не хотелось бы оказаться в арестантской. Что-то мне подсказывало, что у юного девичьего тела, в котором я очутилась, на решетки аллергия. А на палачей и вовсе может оказаться острая непереносимость. Вплоть до летального исхода. Зачем так здоровьем рисковать? Лучше, наоборот, его укреплять. Например, бегом. От крупных неприятностей.

– Давай направо, – меж тем скомандовал мой призрачный навигатор и ткнул полупрозрачным пальцем налево.

Ну я и повернула, куда услышала. И тут же рядом с ухом раздалось возмущенное:

– Ку-у-уда?!

– Куда ты и сказал...

– Мало ли что я сказал! – ничтоже сумняшеся отозвался дух. – Главное, куда показал! Вот туда и поворачивай!

Я выругалась сквозь зубы и ринулась в другую сторону. А затем взяла курс на постоянный двор, который, по уверениям духа, должен находиться впереди. Там у меня был шанс укрыться от погони. В общем, радовало, что все пока шло по намеченному плану. Печалило, что сам план был дрянью. Но с учетом того, что альтернативой ему выступала плаха...

В общем, я была полна энтузиазма осуществить даже самый бредовый замысел, лишь бы выжить. Потому как я уже один раз погибла. И могла теперь абсолютно точно заявить, что умирать пробовала и мне это категорически не понравилось.

– Видишь распахнутое окно? – меж тем требовательно спросил полтергейст и добавил: – Давай в него.

– Оно же на втором этаже! – выдохнула я.

– Там жердина, прислоненная к стене. Взбеги по ней, как по сходне. Я придержу, – обнадежил дух и, не слушая моих возражений, полетел к шесту, чтобы вселиться в него.

А я... Я уже давно поняла, что жизнь порой столь прекрасна и удивительна, что иногда сил никаких не хватает на то, чтобы удивляться. Поэтому их стоит беречь! И тратить исключительно на действия. Даже если те, как сейчас, – чистое безумство.

Потому я, решив, что успею испугаться чуть-чуть попозже, не размениваясь на страхи и размышления, на полном ходу взлетела по наклонной орясине. Ее край упирался в каменную кладку меж первым и вторым этажами. Моего роста хватило ровно на то, чтобы вцепиться в низ оконной рамы. И тут же опора ушла из-под ног.

Жердина упала на землю, а я осталась в подвешенном (и психически, и физически) состоянии.

– Ты же говорил: придержишь, – стиснув зубы, прошипела я, пытаясь упереться мысками ботинок в стык между булыжниками.

– Я, сколько мог, держал, – отозвался привиденистый напарник и, оправдываясь, добавил: – Просто силы поистратил. Мне долго бесплотным духом быть тяжело. Нужно время от времени вселяться в старинные предметы, чтобы энергию восполнять...

– Тогда вселись во что-нибудь, чтобы меня подсадить, – просипела я, чувствуя, что еще немного – и силы зла в моем лице проиграют силе земного притяжения. – Например, в мои башмаки. Они выглядят о-о-очень древними.

На это предложение полтергейст уничтожительно фыркнул. А в следующий миг я почувствовала, как снизу меня что-то подпихивает. Я напряглась изо всех сил и... втянула собственное тело в окно. И тут же упала на пол комнаты.

Дух сразу захлопнул за мной створки.

Сердце билось как бешеное. Причем не в груди, а, судя по ощущениям, где-то в горле, и вот-вот готово было выпрыгнуть наружу. Пульс стучал по ушам, грозя выбить барабанные перепонки. Руки дрожали от напряжения, а ног я и вовсе не чувствовала.

Я лежала в густых вечерних сумерках на дощатом скобленном полу и не могла отдышаться. Если бы сейчас меня нашли стражники, то я бы не стала даже сопротивляться. И стоило едва подумать о них, как под окном послышался шум. Топот приближался. Судя по лязгу, кирасы стражников задели одна другую. А может, это у кого-то ударил о доспех клинок... Не суть важно. Главное – я узнала звуки погони, что шла за мной.

– Ее здесь нет. Наверняка в подворотню утекла, – выкрикнул кто-то.

– Догнать, – раздался приказ. – Завтра утром либо эта заговорщица окажется в камере, либо вы!

– Есть! – гаркнул мужской голос, и я услышала удаляющийся топот.

– Уф... – прошептала я. Грудь ходила ходуном, отчего следующая, более информативная фраза прозвучал рвано: – Мож-но пе-ре-дох-нуть!

– Я на всякий случай все же поинтересуюсь: ты на какой слог ударение поставила, деточка? – подозрительно уточнил полтергейст.

Я сглотнула и, сделав невероятное усилие, отозвалась уже почти нормальным, не заплетаящимся от усталости голосом:

– Не дожدهшься.

– Я в тебе не ошибся, – удовлетворенно заключило привидение.

А затем призрак, видимо тоже решив воспользоваться свободной минутой для отдыха, радостно воскликнул: «О, чую древность!» – и синей смазанной тенью пролетел от оконных створок к столу, что стоял у стены, рядом с входом.

А я перевернулась на живот. И прикрыла глаза.

Тело болело от схлынувшего перенапряжения. Все и сразу. Даже уши, казалось, и те испытывали дикую усталость.

Я на миг прикрыла глаза, делая глубокий, размеренный вдох. Потом еще один. Задерживаться здесь не стоило. Судя по незаправленной постели и рубашке, висевшей на спинке стула, эту комнату сейчас кто-то снимал. И сталкиваться с этим кем-то мне крайне не хотелось...

Вот только сил, чтобы встать и дойти до двери, не осталось. Но зато было упорство. И много. Потому я усилием воли смогла поднять собственное тело на четвереньки. И начала медленно продвигаться к выходу. И вот когда до порога оставалось всего ничего, лязгнув замок, створка резко распахнулась, и в полоске света, лившегося из коридора, я увидела сапоги. Из мягкой кожи, с искусной вышивкой, явно мужские. Мой взгляд начал медленно подниматься выше, чтобы спустя одно томительно долгое мгновение встретиться с такими холодными льдисто-синими глазами, что можно было промерзнуть до костей, лишь на секунду взглянув в них.

Вошедший щелкнул пальцами, и комната озарилась неровным приглушенным светом огненного магического шара. И пусть в магии я была полным профаном, что-то мне подсказывало, что это не мирная сфера для освещения, а какая-то боевая гадость, которой могут спархнуть в меня в любой момент.

И я приняла единственно верное решение в этой ситуации – начала стратегическое отступление. В смысле, начала убежать, но мужественно. Настолько мужественно, насколько это можно делать на четвереньках.

Но, увы, недалеко. Успела только переставить одно колено и ладонь, как услышала грозное:

– Стоять! – Голос мага звенел сталью. Но даже в таком варианте имел широкий эмоциональный, а если точнее, то матерный диапазон.

Я замерла. А затем... Он же сам приказал стоять?.. Ну я и начала выполнять распоряжение, переводя тело из горизонтального положения в вертикаль.

И постаралась сделать это элегантно. Не ради того, чтобы поразить грацией злого, явно очень злого мага. Ради себя. Чтобы почувствовать внутреннюю уверенность в этой весьма непростой ситуации. А еще это был неплохой способ выгадать время.

Когда-то давно, в прошлой жизни, мама, преподаватель танцев, говорила: «Неважно, как ты падаешь. Гораздо важнее, как поднимаешься». Она сама всегда вставала так изящно, словно сила притяжения была над ней не властна. И я старалась хотя бы в этом походить на нее. Поэтому как-то потратила целый день, отрабатывая простые вроде бы движения перед зеркалом.

Сейчас у меня было другое тело, но память-то – собственная. Поэтому я, старательно контролируя каждый жест, вдох, поворот, плавно перенесла вес тела на бедра, садясь на них, чтобы пятая точка не стала вершиной вульгарной пирамиды имени меня, когда начну подниматься.

Выпрямила спину и слитным движением, за которым было скрыто колоссальное напряжение уставших мышц, не просто встала – выросла. Мама могла бы мной гордиться в этот момент. И тем, как качнулись бедра, а следом за ними и ткань длинной юбки, повторяя мое движение, обрисовывая изгибы тела, и тягучей плавностью жестов, и гордо поднятой головой.

Хотя держать ее опущенной у меня бы в любом случае не получилось: хозяин комнаты оказался высоким. Так что моя макушка едва ли доставала до уровня его широких плеч.

– Встала. И дальше что? – и изогнула бровь, задавая вопрос.

Специально подобрала такой, чтобы удивить и заставить вступить в диалог противника. А стоявший передо мной им определенно был. Причем очень опасным.

Я чувствовала в этом типе бойца. Сильного. Уверенного. Неумолимого. Поджарый и жилистый. Его тело явно привыкло к тренировкам и нагрузкам. Маг был лишь в белой бати-стовой рубашке, поверх которой не надел ни колета, ни плаща, и тонкая ткань обрисовывала рельеф мышц. Закатанные до локтей рукава обнажали тонкие нити застарелых шрамов.

Высокие острые скулы. Прямой нос. Разлет темно-медных бровей, цвет которых был чуть темнее рыжей шевелюры, собранной в короткий небрежный хвост. Лишь несколько выбившихся из него прядей кончиками касались плеч.

Передо мной стоял воин. Победитель. А победителей, по правде сказать, мало кто любит. Вот и я не питала к магу, преградившему мне путь к свободе, теплых чувств. Только жгучие. Неприязнь и раздражение.

И бесило в нем в первую очередь высокомерие. Последнее легко читалось во взгляде – расчетливом и циничном.

И даже сейчас, когда маг прищурился, его глаза смотрели так, что захотелось съежиться. Но я лишь упрямо расправила плечи. Не дождетя!

– Впечатляет, – хмыкнул маг, оценив то, как я встала, и добавил: – А дальше, воровка, отдашь, что взяла.

– Я. Ничего. Не. Брала, – произнесла, чеканя каждое слово. Обвинение в том, чего не совершала, хлестнуло пощечиной. – Я случайно сюда попала. И уже ухожу... – постаралась произнести с достоинством и сделала шаг вперед, намереваясь обогнуть мага, стоявшего в проходе, и выскользнуть в коридор.

Но тот преградил мне дорогу.

– Случайно забралась через окно второго этажа, случайно взломала охранные чары... Какая ты вся случайная... – иронично заметил маг. – Ничего не прихватила, случайно?

Резко выдохнула. Бесит!

Может, не будь я на эмоциях, посчитала бы требование незнакомца нормальным, но сейчас...

Нервы и так были ни к черту: я едва ушла от погони, чуть не упала и не переломала себе ноги (а то и шею!), залезая в окно, а теперь меня еще и пытаются оболгать. Я – и воровка?! Да ни в жизнь не взяла бы чужого... Кроме тела.

Осознание последнего добило, и... В общем, я сделала то, что делает всякая нормальная, адекватная и уравновешенная девушка, находясь в экстремальной ситуации, – психанула!

– Чего тебе от меня надо?! Меня чуть не убили! – От эмоций кровь бурлила. Я почувствовала, как она прилила к щекам, а дыхание стало частым. – А теперь еще и обвиняют в том, чего не совершала. Знаешь, а не пошел бы ты...

И рыжий пошел... Жаль, что не лесом, а прямо на меня. Я не успела ничего сделать. Ни отступить, не возмутиться, а он уже стоял рядом. Нависал надо мной скалой. Хотя, с учетом огненной шевелюры, скорее вот-вот готовым взорваться вулканом.

В голове успела промелькнуть мысль о пощечине. А что? Древний, быстрый и действенный способ унять женскую истерику. И я даже прикрыла глаза, готовясь к расплате за сорвавшиеся с языка на эмоциях слова.

А вот чего я никак не ожидала, так это того, что маг решит воспользоваться другим вариантом. Тоже эффективным. И порой используемым в споре с дамой, когда аргументы бессильны, чувства, наоборот, сильны, а выслушивать что-то нет никакого желания... Да-да, мне банально заткнули рот поцелуем. И, судя по тому, каким яростным, обжигающим, больше похожим на укус тот был, рыжий испытывал ко мне чувство. Причем взаимное. Сильного, до зудящих кончиков пальцев, раздражения.

Его ярость. Моя злость. Его напор и жесткость. Мое удивление и растерянность. Твердость сильного мужского тела, прижатого ко мне. Скольжение чужих рук по спине, горячее дыхание, ласкавшее кожу...

И чем дольше это продолжалось, тем касания становились все более чувственными, а поцелуй – откровенным... Истерика, напрочь отключившая разум, схлынула. Я вновь обрела способность мыслить и... бояться. И не столько типа, который мог меня сейчас банально уложить в постель: от него я при помощи полтергейста могла бы попробовать отбиться. Я испугалась себя. Того, как отреагировала на это чертов поцелуй: я отвечала! И едва это осознала, как попыталась оттолкнуть рыжего. Легче было отодвинуть бетонную стену.

Но он почувствовал мое сопротивление и медленно, словно борясь с собой, отстранился сам. На миг прикрыл глаза, рвано выдохнул и, когда вновь посмотрел на меня, сухо произнес: – Я закончил... Похоже, ты говорила правду и ничего не украла.

Я не сразу осознала, что рыжий совместил приятное с полезным. Точнее, поцелуй с обыском. Гад! Но умный. Поэтому вдвойне гад. Не стал тратить время на препирательства и подавление моего сопротивления, а отвлек, убедился, что ничего не украли, отстранился. Быстро, четко, технично. Стратег, чтоб его!

И это уязвило. Причем настолько, что вместо того, чтобы облегченно выдохнуть и мышкой юркнуть мимо мага, подмывало резко развернуться на пятках, так чтобы мои волосы хлестнули наглеца по лицу, и гордо выйти.

Но это было бы опрометчиво. Но хотелось! Я стиснула зубы и уже было решила обогнуть рыжего, но тут услышала деликатное покашливание полтергейста. А затем дух сообщил:

– Деточка, я, конечно, не хотел бы мешать, но у меня проблема... Я застрял.

Судя по тому, что рыжий никак не отреагировал, голос привидения слышала я одна.

Хотелось спросить коротко: «Какого?..» В смысле как призрак, способный проникать через материю и пространство, умудрился застрять? И где? Но не скажешь же вслух. Но то ли он прочел мои мысли, то ли просто догадался, так или иначе пояснил:

– Я в старинном ключе, который оказался артефактом. Он лежит в шкатулке, на столе. Попробуй взять незаметно. Охранные и маскирующие чары на нем для тебя не помеха...

Выспрашивать, почему местное колдунство для меня не препятствие, было слегка недосуг. Я была занята. Волновалась. Потому что сейчас мне предстояло сделать то, в чем меня еще недавно обвиняли. Вот только как это сделать на глазах у хозяина?

– Ты все, а я еще нет! – И я провокационно улыбнулась.

Без слов давая понять: девушка под впечатлением. Девушке понравилось. Девушка хочет продолжения. И она его получит.

Схватила типа за рубашку, притягивая к себе и одновременно делая шаг в сторону так, что, довершив движение, мы отчасти поменялись местами. Во всяком случае, я теперь была почти спиной к двери, а он – полубоком к окну.

И хотя мои планы были очевидны, рыжий и не думал помогать мне в их реализации. Пришлось все делать самой. Привставать на цыпочки, тянуться губами к мужским губам.

В общем, спасибо тебе, дорогой, что хотя бы не сопротивлялся. Сильно. Хотя в первый миг в синем взгляде мелькнуло что-то такое... Словно я была демоном-искусителем, а он – невинной монашкой. Впрочем, она легко пошла по пути порока. Азартно так. Причем в атаку.

Мне даже пришлось отступить под этим натиском. Прямиком к столу. На него меня даже посадили: сильные руки подхватили под ягодицы, и я оказалась рядом со шкатулкой.

Этот поцелуй был совсем другим. Со вкусом ледяной мяты и черного перца. Он пьянил, как выдержанное крепкое вино, и был таким же терпким и чувственным. Жадным и жаждущим.

Я откинулась, оперев руки о столешницу, подставляя шею поцелуям и изо всех сил стараясь сохранить ясность мысли. Это было тяжело. Слишком опытный и умелый противник мне попался.

Меж тем моя рука нащупала крышку. Ладонь ожгло легкое покалывание, и я услышала в голове ворчливый старческий голос: «Не отвлекайся, деточка, это было всего лишь разрывное проклятье».

Я мысленно фыркнула: «Всего лишь!» А в следующий миг пальцы нашли ключ и аккуратно заткнули его за пояс юбки вместе с цепочкой, которая шла в комплекте к артефакту.

«Молодец! – одобрил призрак и приказал: – А теперь валим!»

В сложившейся ситуации стоило бы уточнить: куда, кого или чем? Потому как все варианты имели место. Правда, недолго и хило. Потому как полтергейст, который в далеком прошлом был мужчиной и потому привык полагаться на силу, отдавая команду, не брал в расчет того, что я обычная девушка. А я же прекрасно осознавала, что физически гораздо слабее рыжего.

А тот, с учетом выданных ему авансов, явно нацелился на постель и просто так удрать не даст. А завалить его, даже попытавшись оглушить шкатулкой... Как я успела убедиться, тело мага привыкло к тренировкам и боям, а значит, и реакция у него отменная. Иначе бы рыжий давно был примерным трупом: в сражениях промедление – смерть. В самом буквальном смысле.

Так что только замахнусь – скрутит. И пискнуть не успею.

Поэтому я поступила исключительно по-женски. Уперла руки в грудь, стараясь отодвинуть от себя мага, и звенящим ото льда голосом произнесла:

– Я передумала! – И оттолкнула рыжего от себя.

– Передумала? – хрипло выдохнул он.

Глядя на мое лицо, на котором сейчас застыла холодная надменная усмешка стервы. Ведь только такая могла бы спокойно выйти из комнаты. Малейшая неуверенность – и меня тут же сметет рыжим ураганом и впечатает в простыни. А может, до них и не дойдет даже...

А мне нужны были не постельные приключения, а фора. Потому как я знала: рыжий стратег наверняка после моего ухода решит проверить, все ли в ней находится в целостности и сохранности. И, не найдя ключа, кинется в погоню.

– Да. Я закончила. У тебя тоже ничего нет в карманах, – я вернула ему и его тон, и взгляд. Ведь еще совсем недавно именно так рыжий и дал знать, что обыскал меня.

– Мечь? – Он жестко усмехнулся, поняв намек.

– Мечь – слишком громкое слово. Лучше говорить – возвращение долгов. – И я стекла с края стола, оказавшись вплотную к рыжему, и добавила: – Так что ты облап... Кхм... задел мою гордость. Я – твое мужское... самолюбие. Мы квиты.

При этих словах в синих глазах блеснула сталь. Кто-то явно разозлился. И отстранился.

А я меж тем гордо шагнула к входу. Внутри меня словно натянулась струна. Чуть потроплюсь, выдам себя волнением – и произойдет взрыв. Но нет. Стоило едва прикрыть за собой створку, как я устремилась к лестнице. И прошла большую часть ступеней, когда услышала за спиной глухой удар. С таким звуком дверь ударяет о стену.

Обнаружил. Черт! Как быстро! Я пролетела оставшиеся ступени, оказавшись в зале, полном народа. Все столы были заняты. Подскочив к ближайшему, на котором стояли пустые кружки, я подхватила их и, изображая подавальщицу, ринулась с ношей за занавеску, из-за которой только что вынырнула пышногрудая девица с подносом, полным тарелок.

Я успела как раз вовремя: едва юркнула под прикрытие полога, как увидела через щель меж тканью и косяком, как в зал ворвался рыжий смерч.

Не стала задерживаться в проходе и устремилась на кухню, где всю кипела работа: одна дородная девица стояла у чана с квашеной капустой, накладывая ту в миску, вторая – над

жаровней, перемешивая что-то съестное в сковороде. У лохани с водой склонился парнишка, отмывая грязную посуду.

Я сгрузила рядом с ним пустые кружки. И тут же удостоилась оценивающего взгляда одной из местных кухарок. Та, уперев руки в крутые бока, поинтересовалась:

– Ты кто такая?

Я бы, может, и проигнорировала ее вопрос, только внушительная фигура собеседницы закрывала собой почти весь дверной проем. Просто так не просочишься.

– Хозяин вот только что нанял в помощь, – солгала не моргнув глазом. – Сказал, вы не справляетесь. Пообещал щедро заплатить. Да можете у него сами спросить... – последнюю фразу я произнесла нарочито уверенным тоном с оттенком превосходства, намекавшим, что я лучше во всем.

Расчет был прост – разозлить кухарку, чтобы та ринулась в зал к хозяину и освободила путь к черному входу.

Но одной фразы оказалось мало, пришлось добавить взгляд, которым я прошла по высокой грузной женской фигуре. Я посмотрела на нее так, как смотрит хозяйка на прислугу. И девица вспылила!

– И спрошу! – отрезала она и, отряхнув с передника налипший сор, ринулась в зал. Пройдя мимо меня, еще и толкнула так, что я едва не упала. Но главное – путь был свободен. И я устремилась на улицу.

На заднем дворе стояла подвода с пустыми бочками. Я нырнула в нее ровно в тот момент, когда возникли со словами: «Но, пошла!» – щелкнул в воздухе хлыстом. Лошади тронулись, а я услышала деловой голос призрака:

– Как остановится – спрыгивай. У меня есть идея, где тебе можно будет переночевать.

– И где же? – полюбопытствовала я.

– В склепе. На погосте магический фон искаженный, не хуже, чем в академии, ни одно поисковое заклинание не найдет. Хотя таких, как ты, чары вообще брать не должны, но пере-страховаться все же стоит...

И хотя предложение полтергейста вызвало множество вопросов, я задала главный из них:

– «Таких» – это каких?

– Антимагов, – просветил дух и пояснил: – Вот обычные чародеи свою силу отдают, творя заклинания. А у тебя дар способен эту самую силу забирать. Именно поэтому ты смогла выжить в теле Эви...

Призрак еще что-то говорил, но я не слушала. Я вспоминала то, что было еще совсем недавно, но казалось, что уже давно.

Сутки отделяли меня, Анну Громову, от меня Эвинбри Файрвинд – последнего прямого потомка древнего магического рода.

Все началось вчерашним вечером, когда я погибла. Умерла, пытаясь спасти девушку лет семнадцати, решившую сброситься с моста из-за несчастной любви. Когда увидела ее, позвонила в полицию, а сама перелезла через ограждение, пытаясь отговорить. Она была младше меня лет на шесть, не больше. Заплаканная, с разводами туши под глазами, дрожащими губами, худенькая... Такой могла бы стать моя младшая сестренка Соня, если бы не погибла тогда, несколько лет назад, вместе с родителями в автомобильной аварии. И я осталась одна.

– Отстань! – истерично крикнула мелкая суицидница, когда я начала к ней приближаться. – Все кончено! Всем на меня наплевать. Он бросил меня. Он мне не отвечает.

– Кто – он? – я постаралась, чтобы мой голос звучал мягко, успокаивающе.

«Он» оказался ее одноклассником, кобелем, козлом и просто гадом, поспорившим на девчонку с приятелями. А дуреха в него влюбилась по уши. И вот – собралась свести счеты с жизнью.

Не знаю, сколько мы так проговорили, цепляясь за скользкие перила моста, стоя на самом краю бетонного перекрытия под мелким моросившим осенним дождем. Но мне удалось ее убедить. И девушка с моей помощью, обдирая колготки, смогла перелезть обратно. А вот я... уставшая после занятий, промокшая, сорвалась. И полетела вниз.

Удар о воду был сильным. Таким, что выбило дух. И сразу – из тела. Я пыталась грести, не осознавая, что мои руки теперь прозрачны и течение проходит сквозь них. А затем меня стало затягивать в черную воронку. А я все гребла и гребла. Упрямо. Не сдаваясь. И в какой-то момент услышала заинтересованное старческое:

– Всегда сопротивляешься до последнего?

– Всегда! – выдохнула я.

– Если ты так хочешь жить, то я готов тебе помочь, – продолжил все тот же голос. – Но при условии: ты в ответ поможешь мне.

И я согласилась. Едва это сделала, как нить, что тянула меня во мрак, оборвалась. А призрачный дух пожилого мужчины в костюме былых эпох тут же повлек меня за собой со словами: «Надо спешить, пока твоя душа еще может ожить и вселиться в тело».

Пространство вокруг свернулось спиралью, внутри которой оказался проход, по нему мы и устремились в новый мир. И едва меня выбросило в него, как я услышала приказ:

– Ныряй в тело! Живо. Время на исходе.

И я не мешкая пролетела через богато убранную старинную спальню, приблизившись к лежавшей на постели юной незнакомке. Ее темные длинные волосы разметались по подушкам, чуть смуглая от природы кожа в тот момент была мертвенно бледной. Но главное – она не дышала.

– Чего зависла! Опускайся.

И я опустила. Сначала ничего не почувствовав, а затем... Мне стало не хватать воздуха. Это чувство казалось почти забытым, настолько, что я буквально принудила себя сделать вдох – напрячь непослушные мышцы груди, заставив ту приподняться...

Первый удар сердца был таким болезненным, словно мне меж ребер всадили нож. Я заорала. Но из горла не вырвалось ни звука. Зато я открыла глаза и шумно, рвано задышала.

– Уф... Я уже думал, не получится... – с облегчением раздался откуда-то сверху старческий голос.

А затем привидение подплыло ко мне и пояснило: в только что умершего, при большой удаче, может вселиться другой дух, который едва покинул собственное тело и еще хранит частицу жизни. Который имеет сильное желание остаться в мире смертных и не успел уплыть за грань.

– К сожалению, Эви не захотела бороться и ушла. А я сам, увы, слишком долго пробыл в призрачном обличье и уже не помню, каково это – дышать...

По этим словам я поняла: призрак пробовал сам вселиться в девичье тело, но не смог его оживить.

– Так зачем вы мне помогли? – Я сглотнула, в горле было сухо, а слова походили на карканье напрочь охрипшей вороны.

Призраку, которого я встретила на границе миров, была нужна суцая малость – если не спасти род Файрвинд, так отомстить за него. Для этого нужно было занять тело праправнучки духа – Эвинбри. На нее наслали смертельное проклятье, от которого девушка и погибла.

И теперь мне предстояло разобраться в том, кто ее убил. Сам дух рода, увы, был не в курсе. Он пробудился лишь тогда, когда его прапра- и еще много раз правнучка, умирая, позвала своего предка и попросила прощения, что не смогла стать его достойной наследницей.

Но тут в коридоре раздались уверенные шаги, и через несколько секунд двери спальни распахнулись и в комнату вошли люди. Много. В мундирах и кирасах. Раздался зычный голос:

– Именем его императорского величества Йонирга Второго Великого рина Эвинбри Файрвинд обвиняется в государственной измене и подлежит аресту, – огласив приказ, мужнина с суровым лицом, иссеченным шрамами, коротко распорядился: – Одевайтесь, рина, вас ждет тюрьма.

– К-какая тюрьма? – только и смогла произнести я.

Призрак был обескуражен не меньше меня.

– Тинийская, – пояснил страж.

– Это какая-то ошибка... – я попыталась возразить. – Я только что едва не погибла...

– Время, отведенное вам на сборы, пошло.

– Попроси всех выйти, – первым пришёл в себя дух. – Скажи, что ты благородная рина и тебе нужно собраться...

Это я и сделала, постаравшись, чтобы мой голос звучал уверенно.

Стражники потоптались, но с места не двинулись.

– Я наследница древнего рода! Не простолюдинка. Я не могу идти по улицам в одной сорочке, это бесчестие... – мой голос задрожал.

Мне нужно было, чтобы они ушли. Чтобы у меня появился шанс на побег. Я не хотела в тюрьму, ни в Тинийскую, ни в какую бы то ни было. Я, может, только жить начала. Заново. А они – арестовать...

И если ради свободы необходимо сыграть роль, я ее сыграю. Потребуется солгать – солгу. Нужно будет сражаться – буду!

И я решительно... заревела! Да как! Губы задрожали, по щекам потекли слезы. Истерика удалась на славу. Проникновенная. С надрывом. Такая, что стражники дрогнули. И тот самый капитан, со шрамами, коротко сообщил:

– Хорошо, мы подождем за дверью.

И едва створки той закрылись, я выбралась из постели и устремилась не к шкафу – к окну. Распахнула его... Третий этаж. Да что же мне сегодня так не везет!

Впрочем, шанс на спасение еще оставался. Выглядел он, правда, сомнительно. Паршивенько так... Примерно как анализы столетнего дедка, который жив скорее не благодаря достижениям медицины, а вопреки.

Моя надежда на свободу представляла собой парапет. Он шел вдоль всей стены. Так что при должных ловкости, везении и безрассудстве я могла сбежать.

Глянула на обретенное тело, прикидывая, смогу ли не сверзиться на газон и пройти до соседнего балкончика. Из окна показалось, что да.

– Ну, чего застыла? – недовольно напомнил полтергейст.

– Сейчас, – фыркнула я и ринулась к кровати. Под недоуменное ворчание призрака сорвала простыню, связала ее с покрывалом и, наскоро закрепив за ножку трюмо, что стояло рядом с окном, скинула эту импровизированную веревку вниз.

– Ты что, собралась лезть по ней? Убьешься!

– И не собиралась, – огрызнулась я. – Это для стражи!

Дух все мигом понял. И больше не мешал вопросами. Не оставь я ложного следа – сразу сообразят, что я сбежала в соседнюю комнату. И мой побег закончится, не успев начаться. Я лишь искренне надеялась, что в суматохе преследователи не заметят, что край простыни болтался на уровне второго этажа – высоты, с которой падать на землю, мягко говоря, травмоопасно.

И тут в дверь спальни требовательно постучали:

– Рина Файрвинд, вы скоро? – поинтересовался мужской голос.

– Да-да, еще немного, – я добавила просительных интонаций. – Я почти закончила...

И с этими словами вылезла на парапет. И тут же поняла, что широкая на вид приступка на деле весьма узенькая даже для стройной меня.

Я вцепилась в каменную кладку, делая первый шаг над смертью. Именно так я ощущала высоту под собой. По ощущениям, до земли было метров пятнадцать. Не небоскреб, но хватит для того, чтобы убиться с гарантией.

И тут под босой ступней начала осыпаться мелкая крошка. Пальцы судорожно впились в шершавый бок камня. Я сглотнула и начала повторять про себя как мантру: «Психика стражников за дверью – ломайся, планы врагов – ломайтесь, ноги преследователей – ломайтесь, девица на свидании – ломайся. А парапет, собака, даже не думай!»

Я вжалась в стену грудью, животом, почти срослась, делая шаг за шагом. Дух вился рядом, ветер то и дело налетал сбоку, подхватывая подол сорочки, отчего тот вздувался парусом.

До балкончика оставалось всего ничего, когда я услышала удар в дверь, а затем та грохнула о стену. Больше медлить было нельзя, и я, оттолкнувшись от своей сомнительной опоры, прыгнула. Упала точно на балкончик, отшибив себе при этом... да, кажется, все. В первую очередь мозги. Потому что когда обернулась, то увидела, что в том месте, откуда я сиганула, сейчас была проплешина парапета. Тот, сволочь, не внял увещаниям и обвалился.

Впрочем, разглядывать подробности обрушения было слегка недосуг. Я успела толкнуть створку балкона и ввалиться в кабинет ровно в тот момент, когда из окна моей спальни выглянула стража. Крик:

– Она сбежала! Все вниз! Мерзавка не могла далеко уйти! – догнал меня уже в другой комнате.

Вот только передо мной выросла маленькая проблема ростом под два метра: спиной к балконной двери стоял детина в мундире и внимательно изучал бумаги. Судя по всему, он добыл их из ящиков письменного стола. Во всяком случае, те валялись рядом с его ногами, раскуроченные, словно их не выдвигали, а выдирали, ничуть не заботясь о том, что они могут сломаться.

Хлопнувшая створка и крики заставили его обернуться. Вот только сделал он это недостаточно быстро. А я очень хотела жить. Желательно свободно и счастливо. Потому оказалась проворнее.

Успела увидеть изумленный взгляд рослого стражника, прежде чем он потерял сознание и упал. Удар по голове противника вышел в лучших традициях гольфа. Хотя до этого бить ни клюшкой, ни тем более кочергой, мне ничего и никого не приходилось. И в первый миг я даже испугалась – не зашибла ли вовсе. Но призрак заверил, что нет. Дитина жив, здоров, и максимум, что ему грозит, – это пара дней в лечебнице, но никак не погост.

Но все равно я оцепенела при виде растекавшейся на ковре лужи крови. Та сочилась из небольшой раны на голове. Оружие, что я успела схватить за долю секунды до того, как встретила со стражником лицом к лицу, выпало из рук.

– Чего встала? Двигаем! – видя, что я замерла на месте, скомандовал призрак.

Я вышла из ступора и нервно отозвалась:

– Я смотрю, тут у вас вся жизнь в движении... Вон двинула стражника по голове, а он едва не двинул кони.

– Да у него башка крепче некоторых поленьев будет. Очухается скоро. И когда это произойдет, тебе лучше быть подальше, – поторопил меня полтергейст, в нетерпении описал круг по кабинету и вдруг завис над выроненными стражником бумагами. А затем скомандовал: – Возьми их!

Я схватила исписанные листы, особо не задумываясь над приказом. А затем тихонько отворила дверь кабинета и, следуя приказам призрака, устремила вниз по узким проходам, предназначенным для прислуги. Там же удалось разжиться юбкой, рубашкой, плащом и обувью. Я проскользнула мимо челяди незамеченной. И даже смогла покинуть дом через черный боковой ход с корзинкой в руках. Но уйти по улице далеко не успела.

Едва я свернула в узенький квартал, как далеко позади раздались крики погони. С другой стороны им вторили заунывные звуки, причитания и плач.

– Спрячь бумаги! Их не должны у тебя найти! – меж тем командовал дух.

Я шумно возмущенно выдохнула: хорошо говорить «спрячь»! А куда? Заозиралась в поисках подходящего схрона и тут увидела, как из-за поворота выворачивает траурная процессия. Гроб несли шестеро. Причем делали это не на плечах. Нет. Домовина раскачивалась на уровне пояса, удерживаемая тремя длинными полотнами, на которых и покоилось днище. А концы ткани оказались перекинуты через плечи парней, шедших с ношей.

В первый миг я увидела покойника, замерла, а затем меня осенило. И я с криком: «Зачем ты нас покинул!» – ринулась к гробу.

Все произошло столь стремительно, что скорбевшие родственники не успели опомниться, как я, обливаясь слезами, склонилась над седым, чинно почивавшим в домовине старцем. Полы плаща, словно черные крылья огромного ворона, закрыли ото всех мое злодеяние. А я меж тем отдала умершему на сохранение бумаги, засунув их под подушку. Когда рука ловко подпихивала листы, успела промелькнуть мысль, что выражение «унести тайну в могилу» может иметь весьма материальное выражение.

И как только все спрятала, тут же отпрянула от покойника. И пояснила оторопевшим членам процессии:

– Он был мне как родной отец! Всегда помогал в трудную минуту. – Я всхлипнула на показ. – Моя душа теперь спокойна, что смогла проводить его в последний путь...

Я закрыла лицо руками, изображая рыдания. Потому как не знала, что еще можно сказать.

– Хацлав был ростовщиком, – услышала я сухой, полный желчной злобы и ревности женский голос, обещавший допрос с пристрастием и прочие неприятности. – Он помогал разве что себе...

– Хацлав? – Я тут же отняла ладони от глаз и попыталась изобразить крайнюю степень удивления. – Как Хацлав? А не Томасин?

Возникла пауза. Из тех, которые напоминают колдобину на ровной дороге. И эту яму срочно нужно чем-то засыпать. Любыми словами, пока она не превратилась в пропасть. И я продолжила:

– А как похожи... Просто одно лицо... – Я закусила губу, словно была в смятении.

А затем и вовсе пробормотала в духе: прошу прощения, промашечка вышла. За сим поспешила удалиться. И лишь когда мы с траурной процессией разошлись, подумала, что мое появление на похоронах вышло даже куда более эффективным. Во всяком случае, оно наверняка породило сейчас куда больше пересудов, чем любая загадочная женщина, что одиноко стояла бы на кладбище в отдалении от толпы и наблюдала за тем, как гроб опускают в могилу.

Вот только я, пока прятала бумаги, потеряла драгоценное время. И едва вывернула из-за угла дома, как почти налетела на стражника. Того самого, что зачитывал приказ. Миг узнавания – и его рука схватила меня за полу плаща.

Расстаться с последним мне было гораздо легче, чем со свободой. Поэтому я не раздумывая расстегнула фибулу и рванула прочь от дознавателя.

А в следующую секунду мне вслед полетело:

– Догоняй злыдню!

– Уйдет, зараза этакая!

– За ней, в переулоч!..

Глава 2

Вдруг меня резко подкинуло вверх, и я разом вернулась из воспоминаний прошедшего дня в промозглую реальность этой ночи. Тут же инстинктивно вцепилась в борт телеги. Вовремя.

Раздался хруст. А следом пол подо мной накренился так, что стоявшие рядом бочки поехали по наклонной.

Краем глаза увидела, как по камням мостовой задорно поскакало отлетевшее колесо.

– Тпру-у-у! – услышала оклик возницы, за которым тут же последовала краткая, но емкая характеристика ситуации.

Мужик был очень раздосадован и невероятно огорчен поломкой, о чем и сообщил мирозданию. Да. Именно так и сказал. Только матом.

Лошадь, ударив подковами по брусчатке, ответила ему ехидным ржанием.

– Да чтоб тебя! – гаркнул возница, с кряхтением слезая со своего места.

Дальше подслушивать препирательства мужика с кобылой мне стало слегка недосуг. Я попыталась незаметно удрать. Легко и тихо спрыгнула на землю и ночной тенью скользнула к углу. Спонсором моего ускоренного забега был призрак, гундосивший в лучших традициях профессионального нудилы:

– Давай! Живее! Ну! – голос духа раздавался слева, в районе моей талии.

А все оттого, что я, боясь выронить умыкнутый у рыжего ключ, обмотала его цепочку вокруг запястья на манер браслета, спрятав артефакт под длинный широкий рукав рубахи.

И теперь заточенный в старинной вещице призрак вынужденно болтался из стороны в сторону, пока я, усиленно работая ногами и руками, удираю в сторону переулка.

Лишь когда я скрылась в прогале между домами, смогла выдохнуть. Из рта тут же вырвался пар. Осенняя ночь радовала звездным небом, кристально чистым, звенящим воздухом, полной, яркой луной, но никак не теплом.

В общем, был у окружавшей меня действительности один минус. Минус дватцать градусов, судя по ощущениям. Сколько точно, судить не берусь. Но лужица рядом с подошвами ботинок начинала подергиваться ледком.

Посему было, мягко говоря, зябко. А если откровенно, то холодно до отбивавших чечетку зубов. Я обхватила себя за плечи, пытаюсь согреться. Однако без плаща это сделать было проблематично. Хотелось оказаться у горящего очага. Ну или уехать жить в пуховик. Но увы...

– Здесь всегда по ночам так морозно? – дрожа, спросила я у призрака.

– Не-е-е зна-а-аю, – чуть заплетающимся голосом отозвался из ключа дух. И я поняла: его знатно штормило после моего забега. Впрочем, полтергейст быстро пришел в себя и уже спустя пару минут пояснил: – Я же дух и не чувствую тепла.

Я фыркнула, подумав, что как-то быстро наступил тот момент, когда живые в моем лице завидуют мертвым. Впрочем, призрак, не подозревая о моих мыслях, продолжил:

– Хотя в месяц Золотого листа в Тордисе заморозки не редкость... И немудрено: столица-то, почитай, на самом севере империи. Не то что южные острова. Вот там...

Что именно там, я так и не узнала: послышался лязг металла, приближающиеся шаги. Бежать назад означало выскочить обратно на улицу, где был возница. Да и услышат. Ночной воздух – не полуденный, отлично передавал все звуки.

Я вжалась в стену и забыла, как дышать. Призрак тоже притих, хотя его, кроме меня, никто не слышал.

Секунда. Вторая. Третья... Из-за угла показалась стража. В лунном свете сверкнули начищенные кирасы, а мое сердце пропустило удар. Охрана замерла. Один из мужчин уставился

на висюльку, которую держал в вытянутой руке. Та, до этого светившая ярко и ровно, вдруг начала мигать и погасла.

– Да чтоб тебя! Опять артефакторы бракованный амулет подсунули.

– И как нам ее искать? – с опаской спросил второй, коренастый страж.

– Да пес знает, – в сердцах махнул рукой первый и добавил: – Пошли в караульную, за новой.

И как только троица удалилась, я услышала полное энтузиазма:

– Давай поторопимся на кладбище, – воодушевленно сообщил полтергейст. И с интонацией риэлтора, вещавшего об отличной экологической обстановке продаваемого загородного домика, добавил: – Там такой фон хороший! Все амулеты сбоят. Ни один поисковый сигнал тебя не отыщет.

– Думаешь, это за мной? – усомнилась я.

– А за кем еще стражников могли отрядить? Обвинение в заговоре против короны – это серьезно. Дознаватели небось по всей столице сейчас с такими амулетами рыщут...

М-да... Вот и оказалась я в женской мечте, когда за тобой одной – и целая толпа сильных отважных мужчин несется. Причем не с букетами, а сразу с предложением. Правда, длительного тюремного срока...

Не подозревая о моих мыслях, призрак деловито продолжил:

– Ну, чего застыла? Давай вниз по улице. Там через пару кварталов погост должен быть. Заодно, если не удерешь от стражи, хоть согреешься.

Я согласилась с таким предложением и энергичным шагом устремилась в указанном духом направлении.

Идти пришлось не слишком долго, но зато весьма нервно. Постоянно прислушиваясь, оглядываясь и замирая. Так я миновала район пекарей, где сам воздух, казалось, был пропитан ароматом сдобы. Прокралась по кромке чернильной тени от навесов на улочке, в центре которой из открытых дверей кабака неслась разудалая музыка. Пересекла квартал развлечений, боясь столкнуться со стражами, и наконец добралась до кладбищенской ограды.

Там, примерившись к промежутку пошире, начала ввинчиваться меж досок забора. Это оказалось непросто. Но я была целеустремленной и изворотливой девушкой, а ограда на проверку – хлипкой. Как итог – я просочилась на погост.

«Вот уж ни в жизнь не могла предположить, что я когда-нибудь буду столь сильно желать очутиться на кладбище», – подумала я и оглядела этот рай оптимиста. В том смысле, что в таком месте куда ни глянь – одни плюсы. Хоть и кресты.

Впрочем, на местном погосте в основном были склепы. К одному из них меня и направил дух. Когда я переступала через хрустевшую от инея траву, пришла к выводу: все же мне везет. Пусть порой в малости... Если бы так вовремя не погас тот амулет у стражника, я бы сейчас вышагивала цаплей не тут, а перебирала ногами по узким коридорам казематов...

– Не везение, а закономерность, – отозвался призрак, и я вдруг поняла, что последнее произнесла вслух.

– Закономерность? – Я от удивления даже остановилась.

– Ну да, – проворчал дух. – Просто ты получилась... – тут он замялся на миг, словно подбирая подходящее слово, но затем, похоже, плюнул на политесы и сказал как есть: – Аномальная. Вот рядом с тобой и сбоят чары. А то и вовсе разрушаются. Твоя душа впитывает их энергетический заряд в себя.

– Моя? – Я поперхнулась воздухом. – Я думала, этот дар принадлежал Эви.

– Нет, – отрезал призрак, просочившись следом за мной. – Магические способности целиком зависят от души. Ты разве раньше не знала о своей способности поглощать магию?

– Когда магии нет, и поглощать особо нечего, – усмехнулась я.

И после удивленного восклицания духа пояснила, что чародейство там, откуда я родом, развито примерно на уровне... идеи. И то в основном в фантастических фильмах и книгах. А чтобы пульсарам на раз швыряться...

– Да уж... – тоном «мне все ясно, но ничего не понятно» произнес призрак. И, судя по тому, что он больше не проронил ни слова, предок Эви крепко о чем-то задумался.

Мне даже пришлось его звать, когда я оказалась на распутье и не знала, куда повернуть, чтобы выйти к нужному склепу.

Полтергейст встрепенулся и помог мне сориентироваться. А затем задумчиво произнес:

– Знаешь, у меня, кажется, есть версия относительно твоего дара.

– Интересно послуша-а-ть, – отпирая дверь усыпальницы, отозвалась я, протянув последние звуки от натуги: слишком неподатливой и тяжелой оказалась створка.

– Кстати, ты сейчас впитала в себя охранные чары и даже не обратила на это внимания, – как бы вскользь заметил дух. – А они, между прочим, были смертельны для чужаков...

От таких новостей я сглотнула.

– А ты в следующий раз не мог бы предупредить меня ДО смертельной опасности, а не ПОСЛЕ, – возмутилась я.

– А смысл? – философски откликнулся призрак. – Ты антимаг. Ты поглощаешь чары. И подозреваю, что в вашем мире этот дар у подавляющего, практически абсолютного большинства людей. Вот в нем проявления магии столь слабы, что практически незаметны. И вы думаете, что ее нет. А она есть! Не может не быть. Потому что сила – основа жизни и смерти, основа мироздания.

Полтергейст говорил, а в его словах мне слышалось неодобрение. О чем я и сообщила духу, присев на крышку саркофага. Та обожгла холодом, и я тут же вскочила, хотя ноги гудели от напряжения.

– Укорять тебя в том, что ты антимаг, все равно что винить вампира за то, что у него жажда крови. Просто в этом мире дар поглощения магии очень редок и очень ценен в определенных областях...

На этих словах духа я не выдержала и широко зевнула. Усталость давала о себе знать. Но я понимала, что если прилягу, то могу и не встать. Околою к коврижью матери на камнях за ночь. Поэтому время до рассвета мы провели в разговорах с призраком. Дух рассказывал мне о роде Файрвинд, об империи Хольм, а я под его размеренный голос прыгала, ходила, приседала, разгоняя кровь, задавала уточняющие вопросы. И, уже когда в распахнутую дверь проникли лучи восхода, не выдержала и присела на надгробие. На минуточку. А дальше – темнота.

Очнулась я, когда солнце было уже в зените. И вырвал меня из вязкого марева обеспокоенный голос духа. Я с трудом разлепила глаза и увидела зависшего передо мной призрака. Но не успела спросить о том, каким образом он выбрался из артефакта, как услышала:

– Эви, у нас проблемы...

– Новые? Или все те же? – уточнила я.

– Новые, – выдохнул дух рода. – Ты пока спала, впитала в себя ключ.

– В смысле? – не поняла я и резко села.

Затекшее тело тут же щедро наградило меня за этот порыв болью. А когда перед глазами перестали вспыхивать звезды, я нащупала пальцами правой руки запястье левой, и... ключа там не было.

Лихорадочно задрала ткань рубахи и не поверила своим глазам: на коже в том месте, где вчера была цепочка, сегодня красовалось изображение ключа. Очень реалистичное, но... изображение!

– Какого... – начала было я, но, перебив сама себя, спросила: – Что это значит?

– Не берусь утверждать, – осторожно начал полтергейст, – но смею выдвинуть предположение: ты стала живым артефактом.

Ошарашенно уставилась на духа.

За свою не столь уж и долгую жизнь я успела побывать папиной радостью, маминой гордостью и их совместным нервным тиком. А еще занозой в пятке для завкафедрой университета гражданской авиации. Он ни в какую не хотел видеть девушку среди своих студентов и был убежден, что пилот – сугубо мужская профессия. Но я смогла его в этом разуверить и сесть за штурвал грузового самолета. Для пассажирского не успела налетать нужное число часов. Оставалась какая-то малость, но тут со мной случился мост, старшеклассница в отчаянии и слезах и... Моя смерть.

В общем, много кем я была, но не артефактом! Ладно хоть живым, а не механическим, с набором шестеренок.

– Собственно, когда твой дар, жадный до магии, начал поглощать ключ, меня и вытеснило из него, – с долей смущения пояснил дух.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что призрак, как и я, решил прикорнуть, пользуясь возможностью, и очнулся, когда его начали выдавливать из уже облюбованного артефакта.

– То, что тебя не нужно выковыривать из ключа, – это плюс, то, что теперь эту пакость нужно вытащить из меня, – минус, – подвела я итог и задала напрашивавшийся вопрос: – Только как это сделать?

Судя по тому, как смутился предок Эви, он имел об этом весьма посредственное представление. Впрочем, у нас были проблемы и посерьезнее ключа. Например, погоня. Если ночью стража рыскала по городским улицам в поисках Эвинбри Файрвинд, то сегодня могла заглянуть и на кладбище, логично предположив, почему меня не находят поисковые заклинания.

Да и я сама не могу век прятаться на погосте. Тут холодно, голодно и трупно. И если последнее, после собственной пережитой гибели, не так уж и беспокоило, то первые два пункта внушали опасения.

– Кажется, ты говорил, что скрыться можно не только на погосте, но и в академии магии? – припомнила я слова духа.

Чувствовала себя при этом воришкой, пойманной на горячем, перед которым встал выбор: записаться в рекруты или пойти на каторгу в рудники. И надо сказать, такой расклад очень способствовал поднятию в душе волны патриотизма.

– Даже не думай! – отрезал тот. – Стоит тебе представиться настоящим именем, как тут же схватят.

– А если ненастоящим? – попытывалась я.

– А обмануть проверяющего тебе не даст камень истины, – отрезал дух рода.

Задача была не из простых. Но если я сажала самолеты даже ночью в грозу, то посадить среди бела дня артефактора, создавшего местный детектор лжи, в лужу – моя прямая обязанность! Вот только как?

Я побарабанила пальцем по надгробию, на котором сидела. На камнях была выбита полустершаяся от времени надпись. А что, если...

– А как камень правды... – начала было я, но призрак педантично поправил:

– Истины.

– Да не суть важно, – отмахнулась я. – Как эта каменюка отреагирует, если я назову лишь часть своего настоящего имени? Скажем, не Эвинбри Файрвинд, а Бри Винд? А лучше Бри Громвинд – так будет часть и моей фамилии из родного мира, Громова, и твоего рода.

Полтергейст завис. И в воздухе, и в мыслительном процессе. Видимо, с читерами ему на своем веку сталкиваться еще не приходилось. У меня же «ломать» было вторым призванием. Сначала – машинки на винтики, желая знать, как они устроены. Затем – психику некоторых задира, посчитавших, что если ты ниже и слабее их физически, то тебя можно безнаказанно унижать в школе. А в вузе – стереотипы, что женщине в авиации не место. А теперь вот, похоже, сломала призрака.

Во всяком случае, при моей попытке помахать ладонью перед полупрозрачным лицом духа, тот на жест никак не отреагировал. Лишь когда я крикнула «Эй!» так, что и мертвецы в домовинах услышали, полтергейст отмер.

– А? Чего?! – встрепнулся дух.

Оказалось, я выдернула его с потустороннего научного совета. Основатель рода Файрвинд, недолго думая, воспользовался своим служебным положением и на правах духа давно почившего мага обратился к своему коллеге по смерти и колдовскому ремеслу. Конкретно – к самому создателю камня истины. И оказалось, что я нашла едва ли не единственное уязвимое место древнего артефакта.

Оставался вопрос с даром. Я же вроде маг. Но как бы наоборот... Нужны ли такие в академии?

– Шансы есть, – не слишком уверенно сообщил привиденистый предок.

А затем пояснил: антимаги – редкость. И на боевом факультете их немного. Но их ценят за то, что они могут стать для атакующего щитом, первой линией обороны в сражениях и принять на себя даже смертельный удар.

К слову, именно так я, похоже, и выжила в теле Эви, которую поразило смертельное проклятье. Мой дар просто выпил остатки чернословия, поразившего девушку, и уничтожил его.

Воодушевленная этой новостью, я решительно встала со своего места и направилась к выходу.

– Ты куда? – не понял моего порыва дух.

– Не поверишь. У меня только что такая тяга к знаниям появилась... Удержаться не могу, чтобы к ним не припасть.

– Эй, помедленнее! – возмутился дух. – С таким рвением не припасть, а пропасть легко. А вдруг тебя узнают?!

– Могут, – согласилась я, подтыкая подол юбки за пояс так, чтобы не намочить край ткани о росу, в которую под солнечными лучами превратился иней. – Но что мне еще остается? Только вера, что в провинциалке с перекошенным лицом не узнают наследницу древнего, знатного рода... Да и магия у нас с прежней Эви разная... Можно упираться на то, что мы просто похожи.

Тут дух вынужден был согласиться. А я продолжила с жаром промоутера расписывать плюсы учебной авантюры. Дескать, академия – это не только необходимый нам сильный магический фон, но и стипендия, горячая еда, мягкая постель, а может, даже униформа...

Дух при этих словах посетовал:

– Я даже не мог представить, что моей правнучке придется руководствоваться такими приземленными мотивами для поступления в старейшую и престижнейшую академию империи. Позор...

– Ну, если это так печалит, думай, что поступает и срамится, гонясь за презренной бытовой выгодой, не твой славный потомок, а пришлая из другого мира. Мне не зазорно подумать и о хлебе насущном, и о целостности шкуры.

– Я не осуждаю, – отозвался призрак. – Скорее одобряю. Просто сетую, до чего докатился мой род... А ты... Ты поступаешь как истинная Файрвинд: упорно идешь к цели, сражаешься до полного опустошения резерва...

– У противника, – добавила я, вспомнив о специфике своего дара, который мог отнять магию, но никак не создать даже пресловутый магический огонек. Призрак, которого я перебила, посмотрел на меня с укором, и я скромно добавила: – А еще, как недавно выяснилось, я недурно умею удир... бегать от стражи.

– Последнее тоже хорошо, но лучше тебе об этом не упоминать, – хмыкнул дух и полетел вперед, к кладбищенским воротам.

Я пошла за ним. А когда оказалась на границе города мертвых и столицы живых, полтергейст мотнул головой влево со словами:

– Видишь вон те шпильки? – Я глянула в указанную сторону.

Там, пронзая небесную лазурь, ввысь устремлялись несколько остроконечных шпилей. На одном из них что-то висело. Точнее – кто-то... О чем и сообщила духу.

Тот фыркнул, лихо подкрутив ус, и произнес:

– Сколько веков прошло, а традиция подвешивать на этой игле купола ротозеев-первокурсников из бедноты никуда не делась.

«Та-а-к, а это уже интересно...» – оценила я фразу призрака, начав догадываться, почему он на мой вопрос о поступлении осторожно ответил «шансы есть». Не все так просто в этой академии.

– Ты учти, что сегодня я, если сильно повезет, могу стать этой самой ротозейкой из бедноты, – напомнила я духу.

Тот стушевался и, стараясь это скрыть, командным тоном добавил:

– Твоя задача – как можно быстрее очутиться рядом с этими шпильками. И желательно, чтобы, когда ты ступишь в ворота академии, у тебя на хвосте не висела свора стражи.

Я лишь кивнула. Задача ясна. Набираем скорость, а за ней – высоту. И я энергичным шагом двинулась в сторону академии.

А неприятности бегом помчались за мной. С первой из них, в начищенных кирасах, я едва не столкнулась. Благо успела пригнуться и под прикрытием возка с тыквами, который тащил усталый ослик, понукаемый хозяином, пересекла улицу под самым носом у стражи.

На середине пути мне попался столб. К нему был магией прицеплен листок, с которого на зрителей взирала я собственной персоной. Последняя, к слову, двигалась, поворачиваясь к смотревшему на изображение то прямо, то одним боком, то другим или же вовсе затылком. Радовало, что портретик Эвинбри был парадным и мало походил на меня нынешнюю – всклокоченную, запыхавшуюся и изгвазданную в грязи.

Печалило то, что сумма, указанная под словом «Разыскивается», была весьма внушительной. Настолько, что могла простимулировать внимание и наблюдательность у многих желающих поправить свое финансовое положение.

Я опасливо отошла от объявления, прикидывая, как бы изменить внешность. Мой взгляд упал на уличный прилавок с овощами и фруктами. Среди прочего там был и нелущеный фундук.

Недолго думая, я направилась к нему. И, выгадав момент, когда торговка отвернулась, я прошла мимо ее лотка и прихватила пару орехов лещины. И тут же закинула в рот, отчего щеки стали выглядеть тяжелее, а лицо стало более квадратным. Вместе с выпученными глазами видок у меня, подозреваю, был еще тот. А свою темную макушку, которую можно было заприметить в толпе, решила прикрыть широкой пестрой шалью, которую углядела неподалеку. Она сушилась на веревке, натянутой меж окон второго этажа домов, которые стояли друг напротив друга через улочку. Достать ткань сама я не могла, а вот полтергейст...

– Хорошо, – проворчал дух, готовясь вселиться в ткань. – Постой давай на стреме пока...

– Мне уже стремно, – с готовностью отозвалась я. – Это считается?

Привиденистый напарник по умыканию постиранных шалей лишь посмотрел на меня таким с таким недоумением, с каким хипстер взирал на подойник, не иначе. Похоже, шутки дух не понял и не оценил. А жаль.

– Поговори мне еще тут, – фыркнул он, а затем стремглав полетел за добычей. В следующую секунду я увидела, как выглядит одержимость со стороны. Пестрая ткань вздулась парусом, кисти по краю полотна затрепетали, как живые, щелкнули прищепки, и трофей полтергейста спланировал мне на плечи.

Я накинула добычу на голову и устремилась с узкой улочки на более шумную и оживленную. Ту, что вела к воротам академии. И едва влилась в неспешный и не столь уж густой людской поток, как порыв ветра донес откуда-то сбоку досадливое:

– Только что же был сигнал! Вот зараза, опять амулет потух! Всю ночь за этой бздыхой носимся – и без толку. Вот как ее искать теперь, без маяка-то? – посетовал мужской, чуть простуженный голос.

– Да здесь эта зараза, печенкой чую! – отозвался второй.

Догадываясь, что речь обо мне, я аккуратно, бочком, не привлекая внимания спешкой, осторожно обогнула говоривших и поспешила затеряться среди прохожих.

И вынырнула из людского потока, только поравнявшись с высокими коваными воротами. Они были распахнуты, и я, недолго думая, шагнула во двор академии. Там всюду кипела жизнь. Шумная, суетливая, нервная и веселая.

Кто-то сидел прямо на бортике фонтана, зажимая листы бумаги и что-то внимательно читая, другие бубнили себе под нос, явно повторяя... Лишь только взглянув на них, я почувствовала на кончике языка вкус волнения. Того самого, которое было у меня самой перед экзаменами или защитой диплома.

Интересно, они готовятся к поступлению или к выпуску? В равной степени могло быть как первое, так и второе...

Впрочем, не все были охвачены волнением. Среди разношерстной толпы юношей и девушек, погруженных в нервное напряжение, я заметила и других. Они были облачены в подобие униформы: колеты разных цветов, но одинакового покроя и с идентичными эмблемами, удобные темные штаны одного тона, высокие сапоги.

Так вот, всех этих форменных объединяло одно – чувство превосходства, написанное на их лицах. И примечательно, чем оно, лицо, выглядело более породистым, аристократически утонченным, тем надменности на нем было больше.

Похоже, обладатели колетов и эмблем – это уже поступившие. Адепты. А остальные, получается...

– Это вступительные экзамены? – шепотом спросила я призрака, не веря удаче: неужели я успела на зачисление?

Дух, к слову, уже не плыл рядом со мной, а вновь вселился в шаль. Хм, похоже, не я одна маскировалась...

– Да, – услышала я тихое у самого уха. – В имперской магической академии отбор проходит два месяца. В жатвень, когда весенний сезон балов остается далеко позади, а до нового, начинающегося с первым месяцем зимы, еще далеко, испытания на одаренность проходят аристократы. Также приемная комиссия оцениват их знания. И уже в первый месяц осени на оставшиеся места принимают простолюдинов.

Впрочем, как пояснил призрак, не все отпрыски благородных семейств поступают в академию. Если дар невелик, то могут ограничиться и домашним обучением. Чаще всего это касается аристократок. Для многих из них выгодная партия при дворе привлекательнее полевых практик, отработки заклинаний упокоения на погостах, кишевших нежитью, и прочих прелестей, которые зачастую входят в процесс обучения мага.

И сейчас шел как раз заключительный этап – теоретические экзамены для простолюдинов. На оценку уровня сил я уже опоздала.

Последнее мне, правда, сообщил не призрак, а щуплый светловолосый парнишка. Этот блондинчик, от светлой макушки которого отражались солнечные лучи, образуя едва ли не нимб, сидел прямо на мраморных ступенях центрального входа, читал конспект и плевать хотел на уничижительные взгляды, которые на него бросали адепты академии. Я присоединилась к нему, прижав своим бедром (чтоб не удрал раньше времени!) полу его добротного суконного сюртука, и без обиняков спросила:

– Што, магов покуда принимают? Аль эк-зи-мены, – я коверкала слова, стараясь, чтобы моя речь походила на какую угодно, только не на аристократическую. В этом весьма помогли орешки за щеками. – Уже тогось?

– Экзамены еще не тогось. – По поджатым губам Солнышка, как мысленно назвала про себя парня, я поняла, какого мнения он обо мне. Но то, что не проигнорировал, – уже хорошо. – Только ты уже опоздала. Проверка уровня сил вчера закончилась. Сегодня будет отсеивать только по знаниям, – тоном, далеким от ангельского, сообщил мой собеседник. С намеком таким сообщил: тебе, дескать, и не светит. А вот мне, может, и да...

– Когда дара нет, то и проверять нечего, – фыркнула я, немного сбившись с роли девушки из глухой деревни.

– А чего тогда пришла? – спросил блондин с интонацией «приперлась».

– А куды ж мне податься-то, если я чаровать не могу, а вот колдунство любое за раз рушу? – философски пожала я плечами, начиная все больше вживаться в роль. А что? Солнышко – отличный способ отрепетировать все, для того чтобы не теряться уже перед приемной комиссией. И я продолжила: – Мне так проезжий маг и заявил: шоб я, значит, в академию магу энтю магучую...

– Магическую, – машинально поправил Солнышко, тарашась на меня во все глаза.

– И в нее тоже. – Я согласно кивнула и продолжила: – Поступала... Так прямо тот чародей и сказал. Токмо матом. Правда, это было после того, как он хотел в меня заклинанием шарахнуть, а не смог. Я тогда господину магу на порты пиво пролила, вот он и осерчал... – врала я как по писаному. Так в роль вошла, что на миг сама поверила, что я недалекая деваха, которая сама своего дара не осознает.

«Великолепно! – услышала я восхищенную оценку полтергейста. – Продолжай в том же духе, деточка».

Вот только в отличие от призрака Солнышко моих стараний не оценил.

– Бреешь! – безапелляционно заявил он. Я хотела было уже возмутиться, как парень добавил: – Баб-антимагов не бывает.

– Ну, значит, я мужик! – столь же уверенным тоном отозвалась я и развела руки в стороны.

Солнышко больше ничего говорить не стал. Ни возражать, ни утверждать. Просто затеплил на кончиках пальцев огонек и потребовал:

– Если не лжешь – забери.

– Не лгу, – упрямо отозвалась я, принимая вызов, а заодно навязывая свои правила игры: – А если втяну твою магию, ты мне поможешь.

Маг фыркнул, оценив, как я попыталась выжать из спора максимум выгоды, и согласился с моим предложением. Выражение лица у него при этом было таким, словно он уже мысленно отправил меня в лазарет.

Я дотронулась до пламени с надеждой: если меня смертельное проклятье не взяло, то что мне какой-то огонек... Пальцы все же слегка обожгло, но терпимо. А затем заклинание замерцало и исчезло.

– Ничего себе... – ошарашенно выдохнул Солнышко. Вид у него при этом был такой, словно блондинчик только что под лоскутами разорванного шаблона нечаянно похоронил логику, а заодно и веру в незыблемые законы мироздания.

– Верно, тебе – ничего, – согласилась я. – А мне – всё! Точнее, все ответы.

И тут же задала первый интересовавший меня вопрос: куда пойти, кому отд... отдать заявление о приеме.

– Магистр Мурс вроде бы отвечает за экзаменационные списки, – после некоторых раздумий отозвался Солнышко. – Правда, я уже говорил, что они составлены. Но вдруг тебя, как

антимага, еще включают, так сказать, вне магического испытания. Дар забирающего все же редкость... – последние слова он произнес задумчиво.

– И где найти еного господина? – я была сама деловитость.

– В лабораториях на факультете артефакторики, наверное, – отозвался Солнышко.

Я же, понятия не имевшая, где тут лаборатории, где лекционные, а где кладбище для резвых адептов... в смысле где практикумы у некромантов проходят, уточнила:

– А направление девушке указать? Желательно подробно.

– А как зовут девушку? – изогнул бровь Солнышко, напрочь проигнорировав мой намек на более точные координаты.

– Бри Громвинд, – хмыкнула я и в свою очередь поинтересовалась: – А тебя?

– Мракмор Стрейтор, – блеснул белозубой улыбкой маг.

– Ну и зубодробительное имечко, – не осталась в долгу и поинтересовалась: – А сокращенно Мрак? Или Мор?

Хотя и тот, и другой вариант с мысленным прозвищем «Солнышко», которое я дала парню, сочетались примерно... никак.

– Мы с тобой еще не столь близко знакомы, чтобы дойти до сокращений, – фыркнул теперь знакомец маг.

– Значит, Мрак, – решила я, и собеседник скривился. И это он еще не знал, как я его окрестила! – Так куда мне идти?

После такого вопроса меня и послали... Причем вдохновенно и далеко. К самому дальнему корпусу академии. А я девушка послушная. Взяла и пошла. Ходко так, шустро. И уже спустя примерно полчаса была в лабораториях и разыскивала магистра Мурса. Тот, к слову, оказался весьма молод, стеснителен и угнетен. И даже не работой, а питанием. А еще – собственной матушкой, которая оное же и организовывала.

Когда я открыла дверь одной из лабораторий, то увидела, как весьма тучная дама практически зажала в угол худошавого высокого магистра со словами:

– Йонок, сыночка, скушай котлетку. Ты же отощал весь со своей магией. Ты своим голодным видом разбиваешь маме сердце!

– А вы, матушка, своими визитами – мне репутацию! И так вся академия судачит, что холостяков родители обычно пытаются женить, а меня – исключительно накормить! – парировал молодой профессор, пытаясь улизнуть из капкана родительской заботы.

– Я лишь забочусь о тебе! Не смей на меня кричать! – тут же возмутилась эта солидная фрау.

Маг тяжело выдохнул. На его смуглом лице отразилось выражение многострадального сыновьего смирения. Но родительнице одного молчания оказалось мало. Она пошла в психологическую атаку.

– Не смотри так на меня!

Профессор неуверенно пригладил темные, словно безлунная южная ночь, волосы, собранные в короткий хвост, поправил очки и отвел взгляд в сторону.

– И молчать на меня так тоже не смей! – Матушка мага явно почувствовала близкую победу и припечатала: – И вообще, мама знает лучше, когда тебе хорошо!

И тут несчастная жертва заботы узрела меня, мявшуюся на пороге, и возрадовалась:

– Вы ко мне, фисса?

– Да, – с готовностью отозвалась я и скромно добавила: – Но могу подождать, пока вас нафаршир... Пока вы закончите. Ведь разговор с мамой – это святое, – произнесла я, хотя в данном случае скорее подошел бы эпитет «великомученическое»: Мурс держал оборону стойко, терпеливо и почти безропотно.

– Что вы, что вы, уважаемая фисса! Вы ничуть не отвлекаете меня! – предпринял попытку удрать от еще не съеденных котлет Йонок. Но от калорий, даже если те были еще в тарелке,

а не на талии, не так-то просто было избавиться. Потому как к ним прилагалась горячая материнская любовь и желание накормить голодное дитя во что бы то ни стало.

– Еще как отвлекаете! – рявкнула родительница и повернулась ко мне. В одной руке она держала тарелку с гарниром, в другой – вилку с наколотым на нее антрекотом. Причем мне показалось, что меня сейчас этой самой вилкой готовы заколоть.

– Поняла. Не дура. Дура бы не поняла. Исчезаю, – охотно отозвалась я и добавила: – Только... что ректору передать по поводу вашего повышения? Вы от него отказываетесь, магистр Мурс?

Матушка Йонока на миг замерла, пытаясь осознать услышанное. Этим и воспользовался ее сын и ловко вынырнул из угла, скороговоркой протараторив:

– Что вы, что вы, фисса, ни в коем случае. Я сейчас, сей же миг, с вами дойду до кабинета лорда Эрогвиля, чтобы лично дать ответ... – Он устремился ко мне. И на полдороге, будто спохватившись, обернулся к родительнице, все еще хватавшей ртом воздух, со словами: – Матушка, прошу меня простить. Дела...

А затем в несколько шагов очутился рядом со мной, подхватил под локоток, вывел в коридор, буквально тут же втянул в открытую дверь соседнего кабинета и моментом ее плотно притворил. Навалился спиной и тихо облегченно прошептал одними губами:

– Спасибо...

Мурс утер лоб, на котором выступила испарина, убирая с того выбившуюся из хвостика угольную прядь.

– Вы, фисса, отлично придумали с вызовом к ректору, я ваш должник, – выдохнул он, но на миг встрепенулся и уточнил: – Ведь про то, что меня ждет лорд Эрогвиль, шутка?

Я заверила, что да, так и есть. Это была импровизация, поскольку, несмотря на то что госпоже Мурс профессор тоже был нужен, мне нужнее. Ибо у нее вопрос питания, а у меня жизни и смерти. То, что смерти в буквальном смысле, уточнять не стала. Ведь если я не смогу остаться в стенах академии, то очень скоро окажусь в застенках тюрьмы.

А затем бойко изложила Мурсу уже опробованную на Солнышке историю девушки из глубинки. К слову, профессор точно так же мне не поверил. Но, видимо, в благодарность за спасение не стал выказывать сомнения в услышанном, а деликатно сообщил, что в академию берут лишь самых одаренных. И если мои способности именно таковы, то он, в свою очередь, попробует сделать все возможное...

Магистр говорил обтекаемо, но стало понятно: от него мало что зависит. И даже если он вывешивает списки прошедших первичный отбор, то решают, чьи имена в этот лист вписать, совершенно другие преподаватели.

– Дайте ваше правое запястье, – с этими словами Мурс достал из кармана артефакт.

«Для замера силы дара», – шепотом пояснил мне дух, пришипившийся в шали. Я заметила, что с тех пор, как мы оказались в академии, полтергейст вел себя тише травы, ниже радаров. И я догадывалась о причинах маскировки, но уточнить все было некогда.

В общем, когда мне на правое запястье положили штуковину, которая напоминала чем-то своеобразный компас с бегавшей по кругу стрелкой, то случился очередной конфуз. Едва артефакт прикоснулся к моей коже, как начал... таять. В прямом смысле этого слова! Плавиться и сливаться с моей рукой.

Первым опомнился профессор. Он схватил эту штуковину, чей циферблат напоминал почти круговую шкалу от одного до ста, и буквально содрал ее с меня. Что примечательно, на моей коже не осталось и следа, а вот измеритель магического потенциала того... Скончался.

– Поразительно, – прошептал Мурс, задумчиво переводя взгляд с меня на оплавившийся амулет и обратно. А затем добавил: – Думаю, нам все же стоит заглянуть к ректору. У вас, фисса, весьма интересный случай.

– Вы о том, что я девушка и я – антимаг? – памятью о реакции Мрака, уточнила я.

– И это тоже, но главное – ваш уровень! Артефакт Парата способен... – начал было профессор, но потом, похоже, вспомнил, что я – девушка из глубинки и объяснение выйдет долгим, потому махнул рукой и перебил сам себя вопросом: – Как сильно вы, фисса, желаете учиться здесь?

– Фсей душой! – ничуть не покривила я оной. Зато один из орешков в моем рту перекатился и едва не выпал.

Профессор посмотрел на меня недоуменно, и мне пришлось как-то объяснять, почему я держу за щеками лещину:

– Мне маг посоветовал, – я ткнула пальцем в оттопыренную щеку, – всегда во рту держать и говорить так. Чтобы, значица, арти-фу-лфция, – я нарочно искажила сложное слово, – лучше была.

Мурс на это покачал головой и вынес вердикт:

– Может, в целом артикуляции они и помогают, но конкретно сейчас будут сильно мешать. Не хотите их убрать? – это был не вопрос, а настойчивое предложение, от которого в моем положении я не могла отказаться.

Потому пришлось поднести ладонь ко рту. Когда в руке оказались мои маскирующие орешки, я поспешила спрятать их в рукаве. Еще пригодятся!

Похоже, вид при этом у меня был весьма огорченный, потому что магистр решил подбодрить фразой:

– К слову, без них вы намного симпатичнее, – заверил он.

Чем удручил только больше. Ведь чем я страшнее, тем меньше вероятность узнать во мне рину Файрвинд.

Мурс же удовлетворенно кивнул и, больше не говоря ни слова, взял меня за руку. А затем осторожно приоткрыл дверь, выглянул из-за створки и, убедившись, что путь чист, устремился в коридор. А я следом за магистром.

Мы миновали второй этаж, спустились по лестнице, пересекли холл и вышли в осенний день, бушевавший пестротой красок на улице – рябины, одетые в алые бусы поспевших ягод, золотые кроны кленов, шелестевшие на ветру, багрянец барбариса и неизвестных мне кустов, синеющие полуобнаженные стволы... Над нами разлилась безмятежная кристальная лазурь неба. А вокруг, на земле, царили суэта и нервическое напряжение готовившихся к экзамену чародеев. И магия, пропитавшая воздух. Много магии...

Я бежала следом за Мурсом, практически не обращая на это все внимания. Мы с профессором пересекли двор академии, а затем маг прямой наводкой устремился к центральному корпусу. Туда, где было особенно много народа.

Мне оставалось лишь держаться за провожатого и не отставать. Но вот у одной двери, которая ничем не отличалась от остальных (такая же толпа у порога, такие же створки, и даже лак рядом с ручкой облупился точно так же, как у соседних), Йоннок вдруг остановился. Одернул камзол, поправил съехавшие на кончик носа очки и постучал. И тут же, не дожидаясь приглашения, заглянул, бросив мне напоследок:

– Жди здесь. Я доложу лорду Эрогвилю, чтобы тебя в список поступающих включили. Сможешь сдать экзамен вместе со всеми...

Вот только едва меня оставили одну у закрывшейся створки, как почти тут же услышала ехидное:

– Интересно, она любовница или внебрачная?

– Этот в очках слишком молодой, чтобы иметь такую в качестве дочери... – бесцеремонно отозвался второй голос. – Скорее, он ее просто имеет...

Я медленно повернулась в сторону говоривших и увидела подпиравшего стену высокого лысого парня. Он нагло ухмылялся от уха до уха. Ткань рубашки обтягивала его широкие плечи, едва не треща по швам. Рядом с ним, оценивающе глядя на меня, стоял и второй –

голубоглазый блондин с льняными волосами, заплетенными у висков в тонкие косички. Он подкидывал перед собой яблоко и ловил, не глядя. И да, тоже похабно усмехался.

– А ну-ка, повторили... – холодно процедила я.

У меня вчера выдался просто убийственно трудный день, ночка не лучше. И сейчас, когда нервы были на пределе, еще и эти двое...

Блондинчик на это лишь шире растянул губы в улыбке и, явно издеваясь, спросил:

– Ты не только наглая, но еще и глухая? Тут, – он кивнул на вереницу парней и девушек, стоявших вдоль стен, – все испытания прошли. А тебя я чего-то не видел ни на полигоне, ни на замерах. Так что вывод напрашивается один: решила пролезть вне очереди.

Яблоко в руке пепельного меж тем продолжало ритмично летать. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. И это отчего-то особенно бесило. Я сделала шаг, и ладонь сама схватила фрукт в полете. А потом я, недолго думая, надкусила сочную мякоть. Та оказалась с привкусом шафрана. А желудок, в котором было пусто со вчерашнего утра, сжался от предвкушения.

– Оно проклято, – как бы между прочим отозвался обладатель косичек, к которому само собой так и липло прозвище Пепел.

Видимо, он рассчитывал, что я тут же начну плевать, в ужасе отброшу свою добычу... В общем, поведу себя адекватно. А я вместо этого лишь с довольным видом откусила еще. И, прожевав, добавила:

– Надеюсь, смертельно? – уточнила я, с вожделием глянула на Пепла и добавила: – А еще есть? Проклятые, зачарованные...

– Ты вообще нормальная? – не выдержал лысый здоровяк, вмешавшись в наш яблочный разговор.

– Абсолютно, – заверила я его и предупредила: – Но для общения со мной лучше запастись валерьянкой, оптимизмом, второй нервной системой и...

Договорить не успела. Дверь кабинета распахнулась, явив на пороге Йонока в компании высокого статного седовласого мужчины в форме. Выправка выдавала в нем бывшего военного, а пристальный, казалось, проникавший сразу под черепную коробку взгляд внушал трепет и уважение.

– Это она? – прозвучавший вопрос хлестнул плетью.

– Да, лорд ректор.

– Что ж, надеюсь, вы, господин профессор, не зря оторвали меня от экзамена. И господа магистры, пока я отсутствую, сумеют справиться с проверяющим... Поэтому не будем задерживаться, прошу ко мне в кабинет...

И, не дожидаясь нашего ответа, лорд ректор, рассекая толпу, направился по коридору. А мы с Мурсом за ним.

Уходя, за спиной я услышала задумчивое:

– Если она пассия этого профессора, то ему стоит посочувствовать. Не девка – холера. Ее даже проклятья не берут.

– А я думал, ты про яблоко соврал... – донеслось растерянное.

Оборачиваться мне было некогда. Шаг у лорда ректора был широким и быстрым. Заезвешься – и тут же отстанешь.

Благо идти оказалось недалеко. Вот только едва я переступила порог, миновав бдительного секретаря в приемной, и притворила дверь, как увидела мчащийся на меня стусток пламени. И, как приличная девушка, сразу же его обвизжала. А как неприличная – сиганула вбок. Меня даже не смутило, что там был книжный шкаф. Я резвой белкой взлетела по его полкам и устроилась под потолком.

А ректор, который и запустил пульсар, хмыкнув, прокомментировал:

– Реакция, конечно, отличная, но я хотел убедиться в другом... – И, обращаясь уже исключительно ко мне, добавил: – Профессор Мурс заверил, что вы, фисса Громвинд, антимаг

исключительной силы. Пока же я убедился лишь в том, что вы умеете исключительно кричать. Я бы даже сказал, деморализующе противника...

И он демонстративно поморщился.

– А зачем швыряться в меня вашим колдунством без предупреждения? Я ведь могу оказаться девушкой с тонкой душевной организацией и в ответ засветить чем-нибудь... – забыв о роли простушки, отозвалась я. Но, когда поняла, что вышла из образа, было уже поздно. Впрочем, лорд ректор, кажется, этого не заметил.

– Судя по всему, вашей тонкой душевной организацией вместо дубины можно полки нечисти косить, – ничуть не смутился ректор и приказал: – Слезайте немедленно.

– А вы швыряться ничем не будете? – уточнила я, прикидывая, как бы половчее спуститься.

– Только если вы вздумаете там задержаться, – с намеком протянул лорд ректор.

Делать было нечего. Пришлось спускаться. И вот когда я начала слезать, оказавшись спиной к господам магам, то почувствовала, как меж лопаток словно загнали раскаленный штырь. И пусть боль продлилась не больше секунды, но я потеряла равновесие. Оттолкнулась ногой от ускользавшей опоры и, извернувшись в полете кошкой, упала на что-то... Точнее – на кого-то. Как выяснилось мгновением позже – на несчастного, ошарашенного Мурса.

А ректор невозмутимо заметил:

– Когда вы, фисса, предупреждали, что можете чем-нибудь кинуть, я не подозревал, что вы имели в виду себя.

– А вы обещали не применять магию, если я не буду затягивать со спуском... – припомнила, вставая с придавленного Мурса.

– Вы задержались... – отчеканил лорд. – Впрочем, должен признать, что сопротивляемость магии у вас и правда выдающаяся... – задумчиво протянул ректор и побарабанил по поверхности стола, рядом с которым стоял. – Что же мне с вами делать?.. Проверяющий не допустит приема простолюдинки в обход одного из испытаний. Он и так считает, что в академии слишком много адептов низкого сословия...

Я сглотнула и нервно вытерла ладонь о юбку. Злость на ректора враз куда-то улетучилась. Да, его проверка была самой жесткой из всех, но, похоже, небезосновательной. Он хотел быть уверен, что если решит ради меня нарушить правила, то этот риск должен быть оправдан.

Вот только... Если бы Мурс ошибся? Если бы я не смогла вобрать магию атакующего заклинания? Что тогда?

Ректор выплатил бы компенсацию? Сдается, разве что посмертно...

– Она сможет сдать теорию? – лорд обратился уже к Мурсу. Вопрос прозвучал требовательно и жестко. А еще так, словно меня здесь и вовсе не было.

Профессор растерялся. Зато я, почувствовав, что решается моя судьба, произнесла:

– Теорию чего?

– Ясно, не сдашь. – По моему вопросу лорд все понял. – А значит, сколь бы выдающимся ни был ваш дар, фисса Громвинд, проверяющий из департамента не допустит зачисления. Хотя защитник из вас вышел бы отменный... – Мужские пальцы выбили по столешнице дробь.

И тут отмерший Мурс тихо пояснил мне:

– На экзамене вытягивают билет. В нем три теоретических вопроса: по истории магии, расчетам, естествоведению.

«Настаивай, чтобы тебя допустили до экзамена, – услышала я в голове голос призрака, который до этого вел себя подозрительно тихо. – Я тебе помогу...»

– А если я сдам? – спросила ректора и упрямо посмотрела в аристократическое лицо лорда, отмеченное морщинами и тонкими росчерками старых шрамов. Один из них шел наискось ото лба до мочки уха и рассекал левую бровь ректора, без слов говоря: стоявший передо

мною маг провел свою жизнь, не перебирая за столом бумаги. И тот, кто привык к сражениям, вызов оценил. И принял.

– Так в себе уверена? – Он изогнул располовиненную бровь.

– А думаете, я сюда добралась, преодолев столько всего, чтобы развернуться у порога и уйти? Выставьте в дверь – я в окно полезу. Из окна выпихнете – в коридоре подкараулю... – мой голос звучал столь решительно, что ректор поверил. И, усмехнувшись, припечатал ладонь к столешнице, словно что-то для себя решив.

– Ценю настойчивость. Я отдам распоряжение, чтобы списки поступивших не вывешивали до завтрашнего вечера. А сейчас ты вместе со всеми сдаешь экзамен. Выдержишь его – и завтра тебя ждут испытания на полигоне. Замер магии ты, считай, прошла... А теперь мне нужно возвращаться на экзамен.

Это был самый прямой из возможных намеков на то, что нам пора покинуть ректорский кабинет.

Ни я, ни Мурс не стали задерживаться и выскользнули в приемную, где удостоились бдительного взгляда секретаря. Под его прицелом и поспешили в коридор.

Следом за мной и профессором вышел ректор. И перед тем, как отправиться обратно на экзамен, он пристально посмотрел на меня и коротко произнес:

– Я поверил в вас, фисса Громвинд. Не разочаруйте...

Я смотрела в удаляющуюся широкую спину, и в голове роились сотни мыслей, душу терзали тысячи сомнений. Но мне некогда было рефлексировать. И я приказала себе: «Подумаю обо всем. Обязательно. И попереживаю. И пострадаю. Даже поплачу. Но после экзаменов».

А пока нужно было их сдать. И для начала хорошо бы узнать, что меня там ждет. С этим вопросом и обратилась к профессору. Мурс просветил меня подробнее и в том, что представляют собой предметы «расчеты» и «естествоведение». Оказалось, первое – совокупность алгебры и геометрии с добавлением физики. Естествоведение же включало в себя бестиологию, науку о человеческом теле, алхимию и травознание.

Также, рассказывая о том, что меня может ждать на экзамене, профессор особняком упомянул и проверяющего. Как оказалось, местное министерство магии уделяло особое внимание тому, как идет отбор адептов в лучшую имперскую академию магии. А точнее, безукоризненно ли соблюдается ректором правило отбора, когда приоритет отдается аристократии, которая являлась опорой трона владыки. Вот только знатное имя и древний род не всегда гарантировали высокий уровень дара, острый ум, силу и выносливость, что требовались от выпускников академии в бою с демонами Порубежья или при решении сложных магических задач в мирной жизни. Вот лорд Эрогвиль и вел каждый год незримый бой с проверяющими, которых министерство магии присылало на экзамены простолюдинов. Поэтому и лично присутствовал на теоретическом испытании, не давая министерскому инспектору завалить самых перспективных и талантливых учеников из низкого сословия.

К слову, последних еще на замере уровня и направления дара распределяли в разные группы. Стихийники с выдающимися показателями традиционно шли на боевой факультет. Хотя у них были и альтернативы. Например, если сильный маг ни в какую не желал становиться атакующим или защитником, то мог податься на бытовой факультет, в алхимики или артефакторы...

А вот у меня со столь специфическим даром выбора не было. Только боевой факультет. И только защитником. Точнее – щитом, который прикрывал бы атакующего мага-боевика. А то и целый отряд, принимая на себя магический удар.

Под такие разговоры мы дошли обратно до тех самых дверей, где все так же томились в ожидании Пепел и его лысый громила-приятель.

– Ну, удачи, Бри. Я верю, что у тебя все получится, – произнес Мурс, но как-то не сильно уверенно. И, попрощавшись, магистр удалился.

– Что, не удалось проскочить совсем без очереди? – усмехнулся блондин.

– И не собиралась, – фыркнула я и поинтересовалась: – Ладно, я поняла, что яблок у вас больше нет. А конспектом поделитесь?

То, что от прошлой хозяйки тела мне достались и знание местного языка, и навык чтения, я поняла уже давно. А вот насчет памяти вышла засада... И хотя привиденистый предок рода Файрвинд обещал побыть моей шпорой на экзаменах, на него одного я надеяться не стала.

Глава 3

– Не могу понять: ты настолько бесстрашная или просто тебя в детстве часто роняли? – вскинув бровь, уточнил бритоголовый.

По этой фразе стало ясно: не поделятся. Хотя я не сильно-то и надеялась. Но попробовать-то стоило. Значит, буду просто ждать... И тут неожиданно (похоже, даже для самого себя) отозвался Пепел:

– Расскажешь, как обошла проклятие стазиса, которое было на яблоке, – может, и дам. На время.

– Покажи записи, – оживилась я.

Маг тут же достал из-за пазухи скрепленную пачку желтых, исписанных мелким убористым почерком листов. Я взяла их за один край и призналась:

– Да и не обходила ничего. Просто впитала, – едва сказала – и тут же почувствовала себя репкой, которую вытаскивают из обжитой грядки, чтобы втянуть в какой-то произвол. А все оттого, что Пепел решил: его не иначе как разыгрывают. И поспешил выхватить из загребущих девичьих рук свои записи. Но я инстинктивно сжала пальцами добычу и, не желая с ней расставаться, поспешно добавила: – Ты об антимагах слышал?

– Я-то да. А ты, похоже, нет. Иначе такой чуши бы не несла.

– Да у меня с собой вообще ничего нет, никаких вещей, чтобы нести! – возмутилась я, перетягивая стопку листов.

– Не хочешь говорить – и не говори, – вспыхнул Пепел, явно намереваясь выдрать у меня из рук бумаги.

Я не отпускала и тянула на себя. Мы сейчас наверняка со стороны были похожи на двух лесорубов, что орудуют двуручной пилой. Только в ее роли выступали конспекты.

– Да я тебе правду говорю. – Пепел на это ничего не сказал, лишь дернул посильнее и вырвал победу у меня из рук. Во всех смыслах вырвал. И это стало последней каплей. – Как же вы меня достали все с этими проверками дара! То боевыми заклинаниями в спину швыряют, то пламя погасить требуют, то в шкатулку со смертельным проклятьем руку сунуть...

Я говорила, а воздух так и густел от матерных интонаций. Я развернулась и чеканным шагом пошла в сторону высокого стрельчатого окна. На подоконнике того уже сидели девушка и парень, но я их потеснила. Прикрыла глаза, пытаюсь успокоиться. Полтергейст, засевший в шали, оживился:

– Они бы не поделились, не переживай. Но я сам несколько столетий назад оканчивал эту академию. Не волнуйся, вместе мы сдадим экзамен...

Я только хотела мысленно ответить духу, как почувствовала, что кто-то тронул меня за локоть. Пришлось открыть глаза.

Передо мной стоял Пепел собственной белобрысой персоной.

– Ты правда антимаг? – уточнил он.

Я мрачно посмотрела на него. Взгляд явно парню не понравился, и он хмуро продолжил:

– Мы с Горой... В смысле с Горвудом сначала решили, что ты решила перепрыгнуть через головы остальных и... – Пепел оборвал сам себя, не договорив, а потом вздохнул, словно человек, с трудом, но признавший свою ошибку, и продолжил: – Но я подумал, что тот, кто полагается на связи, не стал бы так цепляться за знания... Опять же это проклятое яблоко... Вот... Держи.

Он говорил, но что-то в интонации мага меня настораживало. И я не стала мучить себя догадками, а спросила в лоб:

– Ты ведь и сам не сильно веришь в то, что говоришь. Так зачем? – Я кивнула на записи в его руке.

– И в кого ты такая догадливая, злюка? – хмыкнул Пепел и усмехнулся. – Я просто подумал, что и так все, что тут написано, уже выучил. И уверен в своих знаниях. А когда поступлю на боевой факультет... Может статься, что ты и правда антимаг. И если ректор решил допустить тебя до сдачи экзамена в обход списка прошедших испытания на полигоне – значит, наверняка дар у тебя сильный... А мне бы пригодился такой щит.

– Так это подкуп? – Я оценила и дальновидность Пепла, и его прямоту.

– О том, что взятки гнутыми золотыми давали, я слышал. Но надорванными конспектами? За кого ты меня принимаешь? – иронично спросил маг с интонацией «если я даю мзду, то она безукоризненно чиста и гладка, так что не нужно на меня наговаривать».

– За расчетливого малого как минимум. – И я поспешила взять исписанные листы.

– Угу. Вот только рассчитывать я могу исключительно на себя, – проворчал Пепел.

Мне хотелось ответить, что он тут не один такой. И я рвусь поступить в академию не от хорошей жизни, но... посмотрела на конспект в своих руках и произнесла лишь:

– Спасибо...

– Сочтемся! – ухмыльнулся Пепел.

В этот момент дверь открылась, выпуская в коридор бледную девушку, в глазах которой застыли готовые вот-вот сорваться слезы. Губы были искушены едва ли не до крови. Кто-то кинулся к ней с вопросом: «Сдала?» А блондинчик же, наоборот, резко развернувшись на пятках, сиганул к двери, подрезав кого-то не столь расторопного, и ужом просочился в аудиторию.

Я же осталась наедине с записями. Я читала, не поднимая головы, не реагируя на происходившее вокруг. На нервные срывы и радостные вопли. Даже как Пепел, а за ним и его лысый приятель-громила, которому удивительно шло прозвище Гора, сдав экзамены, подошли ко мне, сияя улыбками, плохо помню.

– Ну что, злюка, ты, похоже, приносишь удачу, – от души веселясь, произнес блондин, хлопнув меня по плечу.

– Я не злюка, я зло! – мрачно ответила я, поправляя сползшую на плечи шаль и не отрывая взгляда от чтения.

Они что-то еще говорили, пытались меня тормозить, а потом махнули рукой, отправившись праздновать успешное поступление.

Лишь когда солнце начало клониться к закату, шея окончательно затекла, а литеры на листах стали сливаться в сплошную мешанину, я оторвалась от записей. В коридоре народу почти не осталось. Вместе со мной – лишь пара человек.

Я посмотрела во двор академии. Стекла были узкими, высокими и на удивление чистыми. И в ромбическую решетку шпроссов легко можно было увидеть, что происходит на улице: плывшие по небу, чуть подсвеченные розовым облака, золото осенней листвы, чью-то рыжую макушку... Смутно знакомую... От одного взгляда на которую что-то внутри екнуло.

Обладатель бронзовой шевелюры смотрел вверх голов адептов, словно что-то выискивая. Или кого-то?

Широкий разворот сильных плеч, прямая осанка, уверенность, сквозившая в каждом жесте... Не может быть, чтобы это был тот медноволосый, словно лис, тип из трактира... И все же это был он! Пересекая широким шагом двор, рыжий напоминал хищника, взявшего след. Матерого. Решительного. Идущего к своей цели, несмотря ни на что.

Только если для всех он был просто осенним лисом, то для меня – снежным. Тем, которого именуют еще песец. И надеюсь, этот песец пришел сюда не по мою душу. Мало ли у него может быть дел в академии?

Я пыталась убедить себя, что это всего лишь совпадение. И наша недавняя встреча тут ни при чем, но сердце продолжало бешено биться в груди. Пульс набатом стучал в ушах. Кончики пальцев онемели и... Именно в этот миг рыжий, словно почувствовав на себе взгляд, резко повернулся и безошибочно нашел мое окно.

Но за миг до того, как Лис усталился туда, где я сидела, меня как пульсаром с подоконника смело. Исписанные листы разметало по каменному полу. Но я не обращала на них внимания, занятая другим: выглядывала из-за тяжелой портьеры в окно.

Вцепилась в ткань онемевшими пальцами и, кажется, забыла, как дышать. Воздух вокруг словно загустел, наполнившись звенящей от напряжения тревогой и...

– Вы идете?! – требовательный голос, раздавшийся из-за спины, заставил меня вздрогнуть.

Я отскочила от подоконника и резко крутанулась на пятках, оказавшись спиной к окну. При этом не успела разжать пальцы, державшие штору. Раздался треск, и на меня разом снизошли радость и гардина.

Первая появилась, когда я, поворачиваясь, увидела говорившую. И смогла мысленно облегченно выдохнуть: это не стража, и меня вовсе не собираются арестовывать. Совсем наоборот: чопорная дама, стоявшая в дверях аудитории, приглашала последнюю оставшуюся в коридоре кандидатку в adeptки на экзамен.

Но если радость подчинялась законам логики, то гардина – исключительно закону притяжения. Она, падая, преболно треснула меня по плечу. Благо удар смягчила тяжелая портьера, в которую я оказалась завернута, как в тогу.

Дама смерила одним из тех взглядов, которые без слов говорят: «Накройся простыночкой и ползи на кладбище, пока я добрая».

– Простите, пожалуйста, я немного нервничаю... – Я постаралась выглядеть максимально раскаявшейся.

– Боюсь представить, что будет, когда вы запаникуете, – сухо отчеканила дама. Но тут ее губы тронуло подобие улыбки, и она тихо, чуть насмешливо добавила: – Если что, лучше вам пугаться рядом с восточной башней.

– Кому там нужно отомстить? – уточнила я, чуть прищурившись.

Но леди не назвала имени своего недруга, лишь в ее глазах на миг промелькнул плутовской огонек, никак не вязавшийся с образом строгой и исключительно правильной дамы. А я сама не заметила, как улыбнулась ей. Мы друг друга прекрасно поняли. Без слов.

Я же поспешила выбраться из шторного кокона и заверить:

– Я все поправлю...

– В этом нет необходимости, фисса.

И дама щелкнула пальцами, высекая сноп искр. И тут же гардина и портьера взмыли вверх. Миг – и все стало как прежде. Как будто и не было неуклюжей девицы, на ровном месте сумевшей устроить погром.

Я же поспешила в аудиторию. И когда проходила мимо чародейки, она, стоя в дверях, шепнула мне:

– Удачи. Отвечая на вопросы, будьте так же сообразительны, как сейчас в коридоре.

Это странное напутствие, как ни удивительно, придало сил. И к экзаменаторскому столу я шла, уже отбросив страх и сомнения. О рыжем Лисе я подумаю позже. А пока нужно сосредоточиться на проверке знаний. То бишь того, чего в моей голове почти нет...

«Я с тобой», – услышала в голове голос предка и, повинувшись жесту ректора, указывавшего на билеты, потянула руку к вееру карточек, лежавших на столе. Дрожащими пальцами вытянула одну из них и...

Провалы бывают разные: в грунте, в памяти, в планах... Но чтобы все сразу – это нужно быть мной! А все потому, что я, читая билет, враз ощутила, как земля уходит из-под ног, в голове резко образуется вакуум, а цель – поступить в академию – становится недостижимой. Три вопроса, написанные на листке уверенным твердым почерком, казались для меня сущей абракадаброй.

Вклад Фремира Дроннгвильда в историю магии и принципы трансматериального переноса материи.

Принципы управления драконом в полете и расчет магических единиц, затрачиваемых им при взлете с расчетной массой тела ящера и груза...

Дальше шли цифры, от которых в глазах рябило.

Особенности строения, обитания, магии кэльпи в их естественной среде обитания, а также способы ловли этих водных течений.

«Ты чего-нибудь из этого знаешь?» – мысленно спросил меня дух.

Ну я и ответила, что из всех слов на карточке самое знакомое – «принципы управления» и «в полете». Пилотирование-то я сдавала в университете. И не только теорию...

«Вот ее и пиши!» – заявил дух рода и смущенно добавил, что-де в его время такого вопроса не было. А на факультет драконьих наездников и вовсе отдельные экзамены устраивали.

По поводу первого же вопроса полтергейст заявил, что он сейчас отлучится на посмертную консультацию. А про кэльпи помнит сам. Он этих паршивцев из полыньи ловил.

С таким напутствием дух рода меня и покинул. А я устала на клепсидру на преподавательском столе, из верхней чаши которой песок тонкой струйкой сочился в нижнюю. Горка, прираставшая в ней, казалась могильным курганом в миниатюре, под которым похоронены мечты. Мои.

Заметив мой взгляд, один из членов комиссии – рыхлый господин с одутловатым лицом – обмахнулся платком и елеинным голосом, за деланой ласковостью которого сквозила неприкрытая неприязнь, поинтересовался:

– Юное дарование уже готово отвечать?

Юное дарование в моем лице решительно окунуло перо и застрочило на желтой бумаге формулы расчета подъемной силы крыла, взлетной тяги и перегрузок при наборе высоты. В конце концов, если закрыть глаза на лапы, хвост и огонь из пасти, то дракон – это почти ближнемагистральный узкофюзеляжный одномоторный реактивный самолёт. А я на таких налетала больше двухсот часов.

В итоге я так разошлась, что под изумленным взглядом тучного господина попросила сначала еще один лист, потом второй... И на его вопрос, на сколько вопросов я ответила, смущенно пояснила: «Это только на один». Ректор без слов вручил мне сразу небольшую пачку.

Меж тем с загробного совещания вернулся дух рода. И не просто вернулся. Он умудрился убедить почившего Фремира Дроннгвильда лично рассказать и о вкладе последнего в историю, и о своих принципах, и о примечаниях к его трактату...

В общем, это был увлекательный опыт списывания на экзамене – прямо из головы.

С последним вопросом, правда, вышла заминка, потому что два духа яростно заспорили, на что лучше ловить водяного коника: на мармышку или червя... Тьфу, в смысле на ловчий магический контур или дурака, который решил утопиться в проруби.

К согласию они так и не пришли, так что я записала оба варианта. Как раз успела перед тем, как упала последняя песчинка и меня вызвали к столу экзаменаторов.

Я маршевым шагом дошла до комиссии и, стараясь подсматривать в листы по минимуму, начала рассказывать о том, как умудрился вляпаться в историю магии досточтимый Фремир Дроннгвильд. Но не успела я озвучить и трети, как тучный господин в жабо возмутился, перебивая меня:

– Какая неслыханная чушь! Откуда вы это вообще взяли?

Мне хотелось ляпнуть, что из первоисточника, который ныне на моих плечах делил шаль с духом рода Файрвинд. Но боюсь, что к такому ответу морально не были готовы ни напыщенный толстяк, ни вся приемная комиссия. Разве что некроманты...

– Лорд-проверяющий, но почему же чушь... О том, что все значение матрицы трансматериального переноса оценили лишь после смерти мэтра, говорится в письмах его супруги... – возразил сухошавый магистр, сидевший с левого края стола, рядом с чародейкой, что пригласила меня на экзамен.

А я внимательнее присмотрелась к рыхлому дебелому господину, который отбросил свой благочестивый тон и сейчас раздраженно смахивал выступившую на висках испарину. Так, значит, это и есть тот самый проверяющий. Учтем-с...

Этот тип еще несколько раз порывался заявить, что мои знания не соответствуют тому, что записано в анналах истории. Дескать, в своих трактатах досточтимый Дроннгвильд имел в виду совсем другое. На что призрак магистра порывался ответить развернуто и исключительно нецензурно, что именно он, как автор, хотел сказать.

При этих всплесках возмущения сухой, как щепка, маг, сидевший с краю экзаменационного стола, все внимательнее присматривался ко мне, словно пытаясь найти спрятанную шпору. И, судя по тому, что к концу ответа на первый вопрос магистр гипнотизировал взглядом шаль, обнаружил! Но не сказал ни слова.

А когда я перешла ко второму ответу, настал звездный час для меня и миг для сердечного приступа у проверяющего. Я, отринув исписанные листы, подошла к доске и начала бойко выводить формулы, которые знала на «отлично». Причем так шустро, что не давала никому и слова вставить. А на моменте, когда я упомянула реактивную тягу, у тучного лорда случилась тяга седалищная... И, судя по всему, он на ней мог без всяких драконов облететь весь мир и вернуться обратно.

В итоге, в дебрях моих формул и лордской злости потонула и суть вопроса о принципах управления драконами, и мы стремительно перешли к кэльпи.

На удивление, ответ на третий вопрос прошел без эксцессов. И наконец я услышала от ректора долгожданное:

– Фисса Винд, вы сдали теоретический экзамен. Ожидаю вас завтра, к девятому удару колокола, на полигоне для прохождения физических испытаний...

Окрыленная, я вылетела из аудитории и устремилась к лестнице. Полтергейст сообщил, что он проводит почтенного духа магистра Дроннгвильда до грани, поэтому на время вынужден меня покинуть. Я осталась одна.

Хотелось выйти на улицу и подышать свежим воздухом: голова просто гудела.

Вот только едва я поравнялась с углом бокового коридора, как сильная мужская рука схватила меня за запястье и дернула в сторону, увлекая в густые вечерние сумерки, в которых утопал переход.

Я и пикнуть не успела, как оказалась прижата спиной к стене, а надо мной навис злой рыжий тип.

– Отдай ключ, – приказал Лис, отринув приветствия, которые положены этикетом преследователей. Нет чтобы начать разговор в духе: «Попалась, злодейка!» или «Не дергайся!» – и тем дать бедной девушке выгадать время. Нет, сразу от припечатанного к кладке девичьего тела к его срочному делу.

– К-к-люч? К-к-какой? – Я постаралась изобразить растерянность, меж тем лихорадочно соображая, что делать дальше. Не думаю, что ответ «у меня его нет» устроит этого рыжего смерча и он тихо извинится и отпустит меня. Скорее наоборот...

Поэтому нужно было постараться выбраться из западни. С учетом того, что Лис схватил мои запястья и прижал их на уровне лица к стене, сделать это было весьма проблематично. Так

что относительно свободными остались ноги. Ну и голова. Которой-то я и вознамерилась как следует – до разбитого носа – боднуть противника.

Вот только этот гад разгадал мой маневр и увернулся в самый последний момент. Как и от согнутого колена, которым я метила в то место, что мешает всякому мужчине в бою.

Вот только при этом рыжий качнулся чуть вперед так, что наши губы практически коснулись друг друга. И едва Лис это понял, как тут же отпрянул. Я заметила его реакцию и поспешила этим воспользоваться. Пытаясь отвлечь противника, решила резко сменить модель поведения и произнесла мягким, грудным голосом, словно собиралась соблазнить Лиса:

– Тебе не кажется, что наша встреча – это судьба. А поцелуи – не просто поцелуи...

Рыжий и вправду посмотрел на меня, как монашка на демона блуда, с интересом. И в этот момент я врезала носком по его колену. Вот только эффекта, на который я рассчитывала, не случилось. Он не ослабил хватку, не отскочил от меня... Я только пальцы на ноге себе отбила. А этому гаду – хоть бы хны.

Он лишь тряхнул меня со словами:

– Ты права, малышка. Наши поцелуи больше, чем просто поцелуи. Это еще или обыск, или кража, или попытка побега... Последний раз спрашиваю по-хорошему: где ключ?

Я слотнула, понимая: попала. И выхода нет, кроме как признаться. Я на миг прикрыла глаза и произнесла:

– Я не могу отдать тебе твой ключ. Я его впитала в себя...

После моих слов воцарилась такая тишина, что я могла услышать стук наших с рыжим сердец. Бешеный, рваный ритм, звучавший в унисон. Я решила посмотреть, что происходит, и... встретилась с яростной синевой глаз рыжего.

– Повтори! – прорычал он.

– Я антимаг... Твой ключ... Я его нечаянно... – Указала взглядом на левое запястье, то самое, которое держал своими пальцами этот невыносимый тип. Рукав сполз до локтя, обнажая кожу. А на ней виднелся полувыпуклый рельеф того самого чертова ключа...

Сказала – и замерла, забыв, что мне нужен воздух. Потому что легкие уже были полны. Страхом. Я ждала бури. Тело инстинктивно напряглось, готовое принять удар. А что именно это будет – оплеуха или хук... Но этого не было. Ни-че-го. И это настораживало. То ли у рыжего были стальные нервы, то ли он просто имел привычку не психовать по пустякам, копя силы на полный триндец. Хотя куда уж полнее-то?

Лис ничего не сказал, лишь неотрывно смотрел на то, что еще недавно было самостоятельным артефактом.

А затем в мгновение ока меня схватили за плечи и как следует тряхнули. Так, что я затылком ударила о стену.

– Кто. Тебе. Приказал. Его. Украсть. Скронг? Отвечай!

– Никто. Я же говорю, случайно вышло. – Не знаю, чего в моем голосе было больше: злости или отчаяния. – Я в твоей комнате нечаянно оказалась. И дух рода... Он вселился в этот ключ и не мог выйти. А мне, наоборот, нужно было уйти. Ну я и прихватила. Не твой ключ, а всего лишь привидение, которое засело в нем!

Ни один мускул не дрогнул на лице противника. И я поняла: только моя жизнь (да и смерть тоже) может навернуться еще пару раз после того, как навернулась окончательно.

Рыжий не поверил мне. Абсолютно.

– Я оценил твою ложь и...

– Что здесь происходит?! – голос пророкотал подобно грому в узком коридоре, отразившись эхом от его стен.

Я резко повернула голову и увидела в прямоугольнике света того самого преподавателя, что сидел на экзамене и так пристально косился на мою шаль.

– Надругательство! – крикнула я, обрадовавшись нечаянному шансу на спасение. Интонация, правда, подкачала. Я так радостно сообщила об изнасиловании, словно это было не лишение чести против воли, а долгожданный отпуск.

И тут же удостоилась сразу двух недоуменных взглядов. Первый – от магистра: он, видимо, никак не мог предположить, что девица может так радоваться совершаемому над ней бесчинству. Второй – от рыжего, который не ожидал, что я обвиню его в том, о чем он даже и не думал!

Но мне хватило доли секунды, чтобы взять под контроль голос. Я дернулась в руках замершего Лиса, уже с соответствующим надрывом добавив:

– Спасите!!!

И при этом наконец-таки лягнула противника, который оказался непрошибаем для атак физических, но не сумел удержаться на виражах женской логики, о которые часто разбивается вдребезги даже стальная мужская психика. Пальцы рыжего разжались всего на миг, но я смогла вывернуться и броситься к преподавателю, в руке которого вспыхнул огненный шар.

А дальше все произошло столь стремительно, что я успела разглядеть лишь росчерк пламени, опаливший мне плечо. Фаербол, врезавшийся в меня на полной скорости, впитался, но удар был такой силы, что заставил тело повернуться. Я при этом не удержала равновесие и начала падать. В миг полета я успела мазнуть взглядом по лицу рыжего, который как-то странно и неотрывно смотрел на меня. Но это длилось всего долю секунды, а потом я близко познакомилась с полом, распластавшись на нем и едва не расквасив нос о доски.

И тут же почувствовала, как надо мной, от магистра в сторону Лиса, просвистел еще один сгусток огня. И, судя по всему, на этот раз он был гораздо больших размеров.

А затем сзади раздался треск, и узкий коридор затопило светом. Когда я приподнялась на руках и посмотрела в то место, где еще недавно стояла, прижатая к стене рыжим, то увидела сплошную стену огня.

– Он... – потрясенно прошептала я, думая, что Лис вот так просто поджарился заживо.

– Ушел, стервец. Но щит выставил отличный. И как быстро. Я бил почти в упор... – произнес магистр, делая шаг вперед. И в голосе его было не только негодование, но и восхищение мастерством противника. Профессор протянул мне руку, помогая подняться. А затем обратился с вопросом: – Вы знаете, фисса, кто это был?

Я лишь замотала головой, не в силах вымолвить и слово.

– Жаль, – сухо сообщил магистр. – Я не успел в потемках разглядеть негодяя...

Стена огня при моих последних словах спала, обнаружив за собой абсолютно пустой коридор.

– Главное, что вы спасли меня, – выдохнула, испытывая к магу искреннюю благодарность.

– Хотя у меня в планах сегодня подвигов и не было, – усмехнулся профессор, видимо шуткой пытаясь приободрить перепуганную девицу. – Кстати, вы превосходно отвечали на экзамене, – заметил он и добавил: – И у вас удивительная шаль...

И тут я поняла: преподаватель не так прост, как хотел бы казаться. И, похоже, он не просто шел мимо, а искал меня. Точнее, этот сворованный утром платок. Надеюсь, он не принадлежал любимой бабушке профессора?

Как оказалось, интересовала мага не расцветка ткани, а эманации.

– Что? – переспросила удивленно.

Я уже окончательно плюнула на попытки казаться девушкой из глубинки и вопрос задала исключительно из любопытства иномирной переселенки.

– Особый магический фон, который легко улавливают некроманты. Правда, почему-то его сейчас нет...

– А вы некромант? – деловито уточнила я.

– А как вы думаете? – отзеркалил мой вопрос преподаватель. В его голосе прозвучала неприкрытая ирония.

– Не похожи, – категорично отозвалась я.

– И чем же? – заинтересовался он.

– Ну, некроманты – они бледные, потому что ночью в основном работают, сутулые опять же, потому что копают много, и выражение лица у них такое... словно в детстве они уже отбирали у демонов, живущих под кроватью, их игрушки.

Послышался сдержанный смешок.

– Последнее, скорее, к экзорцистам. Да и первые два мимо. – Магистр посмотрел на меня внимательно. – А вы забавная, фисса. Жаль, что проверяющий на вас так взелся.

– Я думала, он просто против того, чтобы в академии учились простолюдины, такие как я. – И бесхитростно пожала плечами.

Профессор задумчиво потер кончик носа.

– Поначалу, как вы только вошли, так и было. Но когда начали отвечать, даже я, признаться, был поражен. А вот лорд-проверяющий и вовсе заявил, что вы с такими-то познаниями наверняка засланная шпионка.

Я хохотнула. Правда, сколько в том смешке было веселья, а сколько истерики – большой вопрос.

– Ну вот и славно, вы повеселели. А теперь ступайте к себе отдыхать. Завтра у вас испытание...

И тут я помрачнела. Потому что «к себе» – это было на кладбище. Причем добраться до него было проблемой. Вот так. У всех нормальных людей проблема – избежать погоста, а у меня – наоборот, как до него добежать и не наткнуться на стражу.

Видимо, мое лицо было очень выразительным, потому как профессор задал очень точный вопрос:

– Или вам негде остановиться?

Это был шанс. Нет. Не так. Шансище! И я не могла позволить ему уплыть и превратиться в просто мечту о ночлеге.

– Я прибыла издалека и не успела ... – начала я растерянно и замолчала, словно оборвав сама себя. Выразительно глянула в окно, где на сквозистые кроны деревьев опускалась ночь и острые тени от их игольчатых ветвей тонули в сумраке. И продолжила с затаенной надеждой: – Может, тут, в академии, найдется уголок...

– Уголок? – усмехнулся магистр. – Да тут целый корпус свободный – для нового набора подготовили. Его обычно заселяют в тот же вечер, как вывешиваются списки поступивших, – произнес преподаватель.

А я начала осознавать, что если бы не одна суматошная девица с даром антимага, то имена сдавших экзамены были бы уже известны. А это значит, что из-за меня задержали не только официальное оглашение итогов экзаменов, но и заселение... Ой-ё! Только бы никто из первокурсников не узнал, кто стал спонсором их дополнительной ночи ожидания. А то ведь так отблагодарят вскладчину, что благодарности такого размаха я могу и не вынести...

Но помимо того, что я осознала глубину своей невольной вины перед целым набором, речь преподавателя наталкивала на еще один неутешительный вывод: раз уж тем, кто прошел испытания на полигоне и теорию, путь в общежитие сегодня заказан, то мне и подавно.

– Вижу, вы прониклись, – произнес преподаватель тоном человека, который с готовностью берет самое тяжелое бремя, а затем безропотно взваливает его на хрупкие девичьи плечи.

– Угу, – со вздохом согласилась я, уже прикидывая, как буду нестись наперегонки с пульсарами на кладбище. А теперь к когорте стражников присоединится еще один рыжий маг... Потому произнесла, готовясь попрощаться с моим нечаянным спасителем: – Тогда я, наверное, пойду, пока окончательно не стемнело.

– Вот так просто уйдете? – заинтересованно спросил он. – И не испугаетесь, что на вас могут снова напасть?

– Пугаться, конечно, буду. И еще как, – искренне заверила я и философски добавила: – Но куда деваться из желудка дракона рыцарю, которого съели?

– А вы, как я посмотрю, смелая девушка. Может, из вас и выйдет защитник... И раз уж я начал вас спасать, не бросать же подвиг на полпути, а девушку – в беде? Поэтому, фисса, если вы не сочтете дерзостью, я могу предложить вам ночлег в гостиной, в своем домике. Он находится на территории академии, за парком.

– Спасибо, господин... – Тут я спохватилась, что не знаю имени мага.

– Норвис Орм, – подсказал преподаватель. – Я буду читать у вас основы некромантии и темные материи, если вы, конечно, поступите.

– Я сделаю все возможное, чтобы вы во мне не разочаровались, – отозвалась я, испытывая благодарность к магистру.

Он скупно улыбнулся и, указав жестом на коридор, произнес:

– Тогда прошу, фисса...

Тут уже настал мой черед называться.

– Громвинд, – переплетя свою настоящую фамилию Громова и окончание родового имени Файрвиндов, произнесла я и добавила: – Бри.

И мы пошли к выходу. По пути к дому Норвиса я узнала, что у него есть дочка. Как раз моего возраста. И она сейчас учится на втором курсе факультета алхимии.

– Думаю, вы подружитесь, – заключил маг, когда мы уже подходили к двухэтажному зданию, стоявшему рядом с озером.

В этот момент в окне показалась девушка. Она радостно замахала нам рукой, а затем исчезла. Как выяснилось несколькими мгновениями позже – чтобы встретить нас на крыльце. Илларин оказалась квинтэссенцией энергии. Такая же худая, как отец, смуглая и чуть угловатая, с копной торчавших во все стороны кудряшек, она, казалось, ни мига не могла пробыть без движения.

За минуту она успела обнять отца, познакомиться со мной, сообщить об ужине и утащить нас на него же. Последний был хоть и скромным, но, как по мне, вкуснее еды я никогда не пробовала! Все же правы те, кто утверждают, что лучший соус к любому блюду – это голод.

Я, поев, так осоловела, что утратила способность отвечать на вопросы. И была безмерно благодарна, когда Илларин выдала мне плед и предложила расположиться в гостиной. Я устроилась на диване и едва смежила веки... Вот приличные люди через чужую постель попадают в хорошие места, на теплые должности. Но то другие. А я через постель могла попасть разве что в новый день. Причем тот начался неожиданно и с вопля призрака над ухом:

– Вставай, засоня! Уже почти девять!

– Девять? А по ощущениям – три двадцать...

Я зевнула, и, пока продирала веки, дух нарезал вокруг дивана круги, выговаривая:

– Как тебя угораздило рядом с некромантом-то очутиться? Он и так на экзамене как-то подозрительно на нас косился, пока я в шали вселенцем был. А уж без прикрытия этот тип меня бы на раз почуял.

– Ты поэтому не возвращался? – Я пыталась осознать реальность. Задача была почти невыполнимой.

– Угу, – буркнул полтергейст и проворчал: – Стоило мне отойти в мир иной ненадолго – и ты уже умудрилась вляпаться в мага смерти. Благо сейчас этот некромант спит. А тебе стоит поторопиться, если не хочешь опоздать на практическую часть экзамена.

После этих слов я не только мигом соскочила с постели, но даже и зарядку сделала. Называлась она «я опаздываю» и дарила непередаваемую бодрость тела и нервность духа.

Под бравым командованием призрака я выбежала из дома профессора, так и не успев поблагодарить его за ночлег. Лишь скороговоркой протараторила «спасибо-за-все-я-на-экзамен» сонной Иллариной, которая в момент моего низкого старта вышла на лестницу, явно только-только проснувшись.

– Ага-а-а, – напутственно зевнула она мне вслед.

И я была такова.

Пока я неслась через парк, подумала, почему каждое утро в этом мире начинается у меня до безобразия одинаково: я куда-то мчусь, спасая свою жизнь. Нет, с этим нужно что-то делать, иначе войдет в привычку.

Полтергейст реял среди золотых крон над моей головой, указывая путь. Хорошо, хоть полигон найти оказалось гораздо проще, чем экзаменационную аудиторию. Духу, взмывшему ввысь, была видна диспозиция всей академии, и он с легкостью разглядел тренировочное поле.

– Туда, – ткнул полупрозрачным перстом призрак.

И я поспешила в указанном направлении.

В свежем осеннем воздухе в ранний час шум голосов разносился далеко, поэтому уже через пару минут я сначала услышала, а затем и увидела своих экзаменаторов. Правда, состав комиссии со вчерашнего вечера слегка изменился.

Но гнойный прыщ – проверяющий – увы, был здесь. И как ректор ни давил на него своим авторитетом, этот фурункул из министерства магии и не думал нарывать, а только нарывался и бесил. Причем всех. Даже невозмутимого, как скала, громила, что был выше всех собравшихся на две головы. А меня – и вовсе на три.

Как выяснилось чуть позже, этот господин внушительных габаритов – тренер Харб Бронс. Статный, накачанный настолько, что аж видно, как бугры мышц под тонкой тканью батистовой рубашки перекатываются, расцелованный солнцем до бронзы, с выгоревшими до льняного цвета волосами, собранными в хвост, – таким предстал передо мной тот, кто отвечал в академии за физическую (и судя по всему – еще и моральную) подготовку адептов. В общем, классический воин-варвар, перед которым трепетали вызванные им на поединок противники и чувствительные девичьи сердца.

Мое тоже затрепетало до тахикардии. Но не при взгляде на этого колосса, а когда Харб рявкнул во всю мощь своих легких:

– К стартовой черте полосы препятствий бегом марш!

И вот почему он рявкнул «марш», а у меня было стойкое ощущение, что «фарш»? Причем из меня. У ворон, попадавших с веток от столь грозного рыка, походу, тоже случилась такая же звуковая галлюцинация.

Мне, в отличие от птичек, отлеживаться было нельзя. От будущей адепки ждали высоких физических показателей. Пока из них у меня были лишь бешеный пульс, повышенный уровень адреналина и выдающиеся способности к мату. Правда, бранилась я пока что исключительно про себя, но кто знает, какие испытания для нежной женской психики уготовили господа из приемной комиссии?

До места, на которое указал грозный тренерский перст, я домчала в мгновение ока. Сама не заметила, как сорвавшиеся с места ноги донесли меня до адепта в форме, стоявшего на противоположном конце поля. Парень смерил меня заинтересованным взглядом, а затем, кивком указав на полыхавшую огнем линию рядом с ним, произнес:

– Вставай вот сюда. Твоя задача – доползти до магистра Харба.

Я не успела уточнить, почему именно «доползти», как тренер зычно через весь полигон гаркнул:

– Пошла!

Вот тебе и все приготовления. Ни вопроса, готова ли я, ни какой-то отмашки...

– Выложись до упора! – пронесся рокот через все поле.

Судя по смыслу сказанного, это был совет, но по интонации больше походило на угрозу – в воздухе так и повисло неозвученное: «А не то...»

В общем, я прониклась и рванула в сторону преподавателей, перепрыгнув через огненную черту. Правда, не успела я взять разгон, как на моем пути из-под чавкавшей под ногами грязи начали вырастать фигуры. Явно недружелюбно настроенные.

Полтергейст вновь затаился в моей шали, которую я на этот раз повязала на груди крест-накрест, так что ее концы оказались затянуты в тугой узел за спиной. Мой друг был предельно собран и деловит. А еще и носа не высовывал из своего укрытия, опасаясь пронизательных взглядов магистров.

– Буньпы! Настоящие! – завидев грязевых чудовищ, крикнул почти у самого уха дух. – Берегись щупалец! Это не чистая магия, а настоящие болотные твари, которыми управляют! Ты не сможешь их впитать...

И тут же, вторя его словам, в небо взмыли тысячи склизких фонтанов, которые в следующий миг превратились в извивающиеся змееподобные отростки.

Один из них плетью ударил рядом со мной – я чудом успела отскочить. А дальше начались салочки на выживание. И все это под комментарии духа, который не стеснялся в выражениях. Судя по ним, на призрака снизошло озверение битвы. Вдохновение, возможно, тоже, но озверения было больше. И он от души крыл матюгами тех, кто придумал притащить на практическую часть экзамена настоящую нечисть.

Несмотря на обилие цветастых эпитетов в речи полтергейста, суть этого испытания я уловила быстро: поступавшим при прохождении этого испытания нужно было показать умение управлять силой и атаковать, используя свою магию. Фаерболами, ледяными смерчами... Но у меня-то этого и в помине не было!

Поэтому я прыгала с кочки на кочку, уворачиваясь от свистевших рядом грязевых жгутов. Но самое удивительное, что, несмотря на столь подвижные занятия, мой невыспавшийся организм дал знать о ранней побудке отчаянными... зевками. Я прыгала и при этом пыталась не слишком широко открывать рот. И в какой-то миг умудрилась увидеть выражение лица ректора.

Если коротко, то оно без слов говорило: «Не смей зевать, когда тебя атакуют!» Да, именно так. Только матом. Причем бранным был не только взгляд. Я никогда не видела, чтобы ругались бровями!

Зато проверяющий уже удовлетворенно потирал ладони. Потому как время шло, а я топталась на месте, не сумев преодолеть и трети дистанции.

И тут мой взгляд сместился в сторону, и я увидела мага, который виртуозно совершал в воздухе какие-то пассы. Эта секундная заминка едва не стоила мне удара щупальца. Зато я поняла, кто, а главное – как управляет монстрами. Он видит меня и атакует. И единственное, что я могла сделать в этой ситуации, – стать невидимкой. И...

– Куда!!! – услышала я вопль призрака, ныряя в грязь с головой.

Ответить я уже не могла, только булькнула возмущенно в духе: «А ты сам не видишь?» – и скрылась с глаз кукловода. И, не дожидаясь, пока он сменит тактику, погребла во все лопатки. Вязкая, густая, как кисель, жижа вокруг этому мало способствовала. Перед моими глазами уже начался кровавый закат, своей пеленой застилавший реальность, когда наконец я услышала голос полтергейста: «Выныривай и беги!»

Я подняла голову над поверхностью, жадно глотая воздух, и... поняла, что имел в виду адепт, когда говорил о том, что мне нужно доползти до магистра.

Как раз посмотрела в его сторону и увидела, как между мной и преподавателями из воздуха материализуется каменная стена. По идее, ее нужно было перемахнуть, но я, грязная и злая, наплевала на какие-то там условности и вместо того, чтобы, как приличный маг, штурмовать эту верхотуру, рассудила: если она заклинание, а не настоящая преграда, то мне, анти-

магу, проще не пытаться ее преодолеть, а... прорубить окошко. И я прислонила руку к кладке. Та тут же начала блекнуть, и в появившемся отверстии я увидела ошарашенное лицо проверяющего, который тут же возмущенно завопил, отринув уважительное «вы»:

– Ты что творишь?!

Я, радостно просунувшая голову в дыру, вспомнила напутственное тренера: «Выкладывайся до упора!» – и отрапортовала:

– Выполняю задание магистра Харба – упарываюсь по полной! – И, поправ все правила перелезания через стены, протиснулась бочком в дыру, которую смогла проделать в магическом барьере.

Также я, проигнорировав правила хорошего тона для поступающих, не стала ползти на животе под шквальным обстрелом пульсаров. А эпичненько так прошла под огнем из сгустков плазмы и скрип зубов проверяющего. Было бы еще эффектнее, если бы при этом с меня не стекала грязь...

Но на последнем препятствии стали бесполезны как мои способности, так и в принципе любые магические. Потому что крутившимся под ногами бревнам было все равно: маг ты, не маг... Силе земного тяготения и качающимся на подвесах мешкам было все равно, кого ронять. И, уже когда до финишной черты оставалось совсем ничего и я, балансируя, преодолела почти весь путь по так и норовившей уйти из-под ног колоды, случилось это. Слабый толчок ветра в спину. И все бы ничего, если бы его не сопровождала глумливая улыбка проверяющего...

Я потеряла равновесие и...

– Что вы себе позволяете? – в вопросе, обращенном к присланному министерством магии инспектору, который задал ректор, послышался свист стали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.